Радек, К.
Империалистический разбой под флагом демократии и пацифизма.
М., 1924

ИМЛ — Библиотека
ЕН161
И619

Карл Радек

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИЙ РАЗБОЙ

ПОД ФЛАГОМ

ДЕМОКРАТИИ и ПАЦИФИЗМА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ ◇ МОСКВА ◇ 1924

Карл Радек

ЕН 161
И 619

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИЙ РАЗБОЙ

ПОД ФЛАГОМ ДЕМОКРАТИИ и ПАЦИФИЗМА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ"
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ ◇ МОСКВА ◇ 1924

1 экз

К.

ЕН161
И619

Библиотека Института Ленина

~~С/р~~
~~9376~~

~~5005 с.1~~

(586
~~28~~)

1058779

Главлит № 26.230 Тираж 10.000 экз.

Типография „Красный Пролетарий“ Изд-ва „Красная Новь“, Пименовская, д. 1/16.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Эта брошюра состоит из статей, появившихся в „Правде“ перед и во время Лондонской конференции союзников, посвященной новому решению репарационного вопроса. Статьи эти подверглись только самым необходимым сокращениям и расширениям.

Брошюра эта представляет собой продолжение моего доклада, сделанного IV конгрессу Коминтерна в октябре 1922 года и изданному под заглавием „Ликвидация Версальского мира“. Этот доклад перепечатан во втором томе моей книги „Пять лет Коминтерна“, изданной „Красной Новью“

В нем читатель найдет предыдущую историю репарационного вопроса, как и вопроса о междусоюзных долгах.

Два года назад я высказывал убеждение, что то соотношение сил, которое легло в основу Версальского договора, уже ликвидировано ходом событий. „Когда проф. Кейнс и тысяча других маленьких Кейнсов провозглашают необходимость пересмотра Версальского договора, когда об этом же говорила международная социал-демократия, представители 2 и $2^1/_2$ Интернационала, то они рисовали картину, как Франция, этот злой гений Версаля, откажется от безумной политики разрушения, и как тогда начнется новая эпоха мира и всяческих других благ. В настоящее время пересмотр настоящего договора не является больше объектом спора, потому что договор уже ликвидирован. Но ликвидация Версальского договора означает только новую группировку сил внутри европейского капитализма, новые международные конфликты, в которых Германия является объектом, а не субъектом борьбы“.

Так я писал в октябре 1922 года. Начертав в заключительной части этого доклада эти нарастающие новые конфликты,

при чем руководящую роль в них уже тогда приписывал С. Шт. Америки, я говорил: „Германия и Австрия стали объектами мировой политики, и поэтому предстоящее развитие, начавшаяся перегруппировка соотношений между державами не откроют им выхода из создавшегося положения, разве только если в Германии победит пролетарская революция и сделает страну активным фактором политики. Перегруппировка соотношений европейских капиталистических держав может изменить лишь направление, откуда сыплются удары на германскую буржуазию. Фактором мировой политики может быть лишь тот, кто обороняется.

Германская буржуазия связана по рукам своей борьбой с германским пролетариатом и не может думать об активной обороне против Антанты. Она может только менять форму зависимости".

Ход событий только подтвердил мои тогдашние выводы. Франция, которая пыталась захватом Рура повернуть колесо истории назад, лишь попала под это колесо. Но германская буржуазия, проигравшая из-за своего классового своекорыстия второй раз мировую войну в Рурском бассейне, попала под ярмо диктатуры англо-американского финансового капитала, но, как соседа в новой упряжи, нашла Францию.

Что ликвидация Версальского мирного договора не означает ликвидации порабощения Германии, а только замену французского ярма английским и американским,—это доказывает история Лондонской конференции, которую я пытаюсь изложить вкратце в настоящей брошюре. Лондонская конференция представляет собой самый наглый разбой, какой знает история финансового капитала. Что этот разбой может итти под флагом демократии и пацифизма,—это является делом и „заслугой" II Интернационала. Если эта попытка закабаления германского народа английскими и американскими банками не будет скоро сорвана ходом событий, то через два года германский и международный пролетариат почувствует на собственной шкуре, что означает „демократия и пацифизм", защищаемые II Интернационалом. Я говорю через два года, ибо разбойничий лондонский договор так построен, что все его прелести дадут себя почувствовать народным массам только по истечении

известного времени. Это время надо выполнить массовой пропагандой и агитацией, разоблачающей лондонский обман. Эта работа будет одновременно самой лучшей подготовкой на возможный случай срыва событиями созданного в Лондоне компромисса. Если этот срыв наступит, рабочий класс окажется непосредственно в центре нового международного кризиса, требующего ясного понимания новой роли социал-демократии, как агента англо-американского финансового капитала. Если же пролетариату придется пройти через все страдания, которые ему сулит Лондонский договор то для мобилизации рабочих масс тем более необходимо понимание всех уловок нового пацифистски-демократического обмана.

Но борьба наша не может состоять в пропаганде коммунизма и разоблачении диктатуры англо-американского финансового капитала. Ближайшие годы будут и в случае проведения в жизнь лондонского соглашения годами тяжелой массовой борьбы против ухудшения положения рабочего класса.

Коммунистические партии сумеют только тогда дать бой социал-демократическим защитникам англо-американской диктатуры, если сумеют стать во главе защитительной борьбы пролетариата и, таким образом, открыть ему не на словах, а на деле перспективу будущих революционных боев.

Карл Радек.

Москва, 8-го сентября 1924 года.

I. Исход борьбы за Рур.

16-го июля соберутся в Лондоне представители союзников, дабы определить свое отношение к докладу экспертов и решить ряд мер, вытекающих из этого доклада. В ноябре 1922 г. репарационная коммиссия согласилась на расследование экономического положения Германии комиссией экспертов, в которой решающее влияние имели представители американских банков. 13-го апреля комиссия экспертов представила репарационной комиссии свой доклад, который встал в центре европейской политики в продолжение последующих месяцев. Не подлежит ни малейшему сомнению, что эта конференция представляет собой новый этап к ликвидации соотношения сил, нашедшего свое выражение в Версальском договоре. Как бы Франция ни цеплялась за этот договор, как бы правительство „левого блока", с господином Эррио во главе, ни присягало на верность этому памятнику победы „демократии и пацифизма", и как бы господин Макдональд ни клялся, что Версальский договор остается ненарушенным,—все эти политические зигзаги, вызванные трусостью мелкобуржуазной демократии называть вещи по имени, не могут ничего изменить в том капитальном факте, что Версальский мир хоронится, хотя без помпы и без торжества.

Мы сказали, что мы имеем дело с новым этапом ликвидации Версальского договора, ибо уже захват Рура представлял собой попытку такой ликвидации. Разница только в том, что 11-го января 1923 года господин Пуанкаре попытался изменить Версальский договор в пользу французской буржуазии, а теперь Ан-

глия и Америка принимаются за эту ликвидацию в ущерб французской буржуазии. Для того, чтобы понять все изменение положения, происшедшее за последние месяцы, надо сначала установить, какие цели преследовал французский империализм, занимая Рур. Это вопрос очень сложный. В популярной нашей литературе, излагающей историю рурской экспедиции господина Пуанкаре (см. например, очень хорошую брошюру тов. Е. Солнцева. „Германия и рейнско-рурская проблема", изданную на-днях „Красной Новью"), цели Франции представляются в очень упрощенном виде. Франции приписывается исключительно стремленье навязать германским угольным и железным королям договор, обеспечивающий французской тяжелой промышленности перевес в будущем угольно-стальном синдикате. На деле политика Франции была в десять раз более сложной, благодаря тому факту, что влияли на эту политику решающим образом не только „Комите де Форж", организация тяжелой промышленности, но и целый ряд других факторов. Мы обращаем внимание читателей, которые хотят познакомиться с этим переплетом тенденций, на работу тов. П. Лапинского „Рурская победа господина Пуанкаре и развал Европы", (изданную в библиотеке „Социалистического Хозяйства" „Красной Новью"), работу, которая дает лучшее из существующих в литературе (не только русской) представление о борющихся во французской политике противоречивых тенденциях. Можно указать на три тенденции в послевоенной политике Франции по отношению к Германии. Первая тенденция—это стремление французской военщины раздробить побежденную Германию. Боясь перевеса Германии в населении, боясь, что германская промышленность революционизирует военную технику и сможет доставить Германии, несмотря на теперешнее разоружение, лучшие средства для войны реванша, боясь, что новые группировки в международной политике облегчат Германии выступление в будущем в качестве военной силы, эти военные круги добивались захвата левого берега Рейна не только на время, предписанное Версальским договором (15 лет), но как постоянную гарантию господства над Германией. Они пытались при по-

мощи поддержки сепаратистского движения в Баварии и Палатинате подготовить отрыв от Германии ее юга, по линию Майна. Для этих кругов вторжение в Рур было в первую очередь средством вызвать суматоху, которая бы позволила осуществить эти планы. Вторая группа—это французская мелкая буржуазия, которая одолжила государству 100 милпиардов франков на воссоздание Северной Франции и теперь добивается того, чтобы Германия платила проценты по этому долгу, которая дальше боится падения франка, новых тяжелых налогов в случае отсутствия германских платежей. С этой мелкой буржуазией связаны французские депозитные банки, которые размещают государственные займы. Третья группа—это тяжелая промышленность, которая стремится к тому, чтобы навязать германской тяжелой промышленности договор, дающий ей перевес в германско-французском стальном и угольном тресте, обеспечивающий ей привоз германского кокса и вывоз в Германию французской железной руды. Не добившись этих целей путем переговоров с германскими промышленниками, эта группа попыталась добиться их, приставив штыки к груди германских промышленников.

Все эти три тенденции существовали уже во время мирных переговоров. Притязания военной группы, представляемые маршалом Фошем, натолкнулись на сопротивление Англии и Америки, которые видели в осуществлении этих стремлений установление французской военной гегемонии в Европе. (См. Ллойд-Джордж „Мир ли это?“ Ленинград, 1924 г. Изд. Пучина, стр. 23—40). Стремления французской тяжелой промышленности к установлению экономической гегемонии над континентом, само собой понятно, уже в Версале вызвали сопротивление Англии, которая в случае их осуществления попала бы между двумя огнями мощной американской и франко-германской конкуренции. Версальский мир по существу означал отклонение союзниками военной и хозяйственной гегемонии Франции. Он устанавливал дань, которую должна была уплачивать вся Германия, оставаясь одним целым, хотя бы обрезанным организмом. Одновременно Версальский договор обещал Франции гарантию безопасности против

германского реванша. Но, как это бывает всегда при компромиссах, отклоненные французские притязания нашли свое выражение в статьях договора, которые позволяли Франции на определенное количество лет остаться на левом берегу Рейна. Эти статьи сделались исходным пунктом новой попытки Франции добиться своих целей, когда оказалось, что Версальский мир, по словам Бриана, прекрасный, но мертвый рысак. Во-первых, Америка не ратифицировала заключенного Вильсоном договора о гарантировании французской безопасности. Англия же одна отказалась брать на себя такую ответственность. Это дало новые силы военным тенденциям к захвату Рейна. Во-вторых, оказалось, что Германия не может уплатить дани, наложенной на нее майским ультиматумом 21 года. Союзники сумели назначить громадную дань, но, несмотря на всех своих экономических экспертов, не призадумались над тем, что станется с Германией, если она будет эту дань уплачивать. Германия могла получить валюту, необходимую ей для уплаты дани, форсируя свой экспорт, но этот путь был ей закрыт состоянием мирового рынка и собственной экономической слабостью,—ей осталось только последнее средство: печатать и продавать марку.

Таким образом, произошло крушение марки. Тогда Пуанкаре решил добиться от своих союзников согласия на переход к так-называемым территориальным залогам. Смысл этихзалого в лучше всего выразил председатель финансовой комиссии французского парламента Дарьяк в своем тайном докладе, опубликованном в „Манчестер Гардиан“ летом 1922 года.

„Рурская область,—пишет он,—в особенности та ее часть, которую мы занимаем (Рурорт, Дюисбург, Дюссельдорф с примыкающей к нему территорией), составляет главный элемент богатства Германии. Большая часть германских крупных консорциумов образовалась здесь, имеют здесь свой главный штаб и свои предприятия. 10—12 промышленников, стоящих во главе их, прямо или косвенно, но во всяком случае абсолютно держат в своих руках судьбы Германии (металлургия, уголь, производство угля, химические краски, удобрительные вещества, корабле-

строительные компании, ввоз и вывоз сырых и готовых продуктов). Это, главным образом, Стиннес, Тиссен, Крупп, Ганиель, Клекнер, Функе, Маннесман и еще три-четыре других. Их значение аналогично тому, какое имеют в Америке Карнеджи, Рокфеллер, Гарриман, Вандербильд и Гульд. Однако, эти немецкие магнаты играют роль в политике, о которой и не снилось американским миллиардерам (!). Они уже предложили заменить собой германское государство в уплате репараций, но их условия пока еще остаются неприемлемыми".

Путем нажима на властелинов Рурского бассейна Пуанкаре надеялся принудить их кончить с налоговой политикой, которая делала Германию неплатежеспособной, а королей железа и угля обогащала. Эта политика, являющаяся одним из элементов невозможности уплаты дани, требуемой союзниками, представляла в глазах Пуанкаре совокупность проблемы. Главари французской тяжелой промышленности понимали очень хорошо, что нельзя принудить промышленную страну, нуждающуюся в громадных массах заграничного сырья, давать товары (а чем бы ни уплачивалась германская дань, она в последнем счете состояла в вывозимых товарах), не получая взамен никакого эквивалента. Но тяжелая промышленность Франции толкала Пуанкаре на захват Рура, считая, что именно, когда будет ясно, что этим путем нельзя добиться уплаты значительной дани, то Пуанкаре будет принужден проводить в жизнь политику „Комите де Форж",—политику не взимания дани, а создания франко-германского угольно-стального синдиката. „Комите де Форж" знал великолепно, что Пуанкаре представляет в первую очередь политику мелкой буржуазии, стремящейся к получению возмещений, но французские короли железа и угля надеялись, что, не получив ничего, он должен будет схватиться за их программу. Военные круги, со своей стороны, надеялись, что логика борьбы заставит его решительно стать на почву расчленения Германии. Раз она не платит и платить не может, то надо хотя бы вырезать из ее тела живые куски и раз навсегда освободиться от германской опасности. Пуанкаре, боясь изоляции, пытался сначала втянуть союзников в поли-

тику территориальных залогов, но когда на конференции в Париже он убедился, что союзники, понимающие не хуже французских военных или „Комите де Форж", что, благодаря географическим условиям близости Германии и Франции, территориальные залоги означают захват их французами, отклоняют эту политику, он решился на самостоятельную оккупацию Рурского бассейна. Его политика была, таким образом, направлена не только против Германии, но и против Англии и Америки[1]). Это была попытка самостоятельной ликвидации Версальского мира в пользу Франции. Пуанкаре не знал, останется ли он в Руре или уйдет из него, добившись германских платежей, или же продаст Рур за освобождение от долгов по отношению к Англии и Америке, которые он чувствовал постоянно на своей шее, как петлю, могущую быть затянутой во всякий момент.

Пуанкаре победил по всей линии. После восьми месяцев бешеного сопротивления, которое уничтожило германскую марку, Германия 25 сентября 1923 г. капитулировала. Германская капитуляция представляла собой вторую потерянную войну. Пуанкаре был на вершине своей победы. Вопрос только был для него теперь, как ликвидировать экспедицию в Рур, какие конкретные требования предъявить Германии. Но от апогея победы до глубочайшего поражения был только один шаг. Если Германия потеряла войну 1914—18 годов, переоценив свои силы, если Германия потеряла рурскую войну, благодаря тому, что переоценила свою силу сопротивления и недооценила французской выдержки, то Пуанкаре потерял рурскую войну после своей победы над Германией, недооценив издержек этой войны, недооценив последствий экономического напряжения. За победой в Рурском бассейне последовало падение франка.

---

[1]) В известном французском журнале Revue des deux Mondes" Рене Пинон, „известный франц. писатель по вопросам внешней политики: пишет: „Битва в Рурском бассейне была направлена не только против Германии, но и против Англии. Французская инициатива с 11 января обеспечила господствующую позицию в европейской политике, франко-бельгийской группе. Что же мы видим теперь? В Лондоне Франция не руководит больше. Она следует за другими, она извиняется, она принимает решения, которые не она подготовляла".

II. Падение франка.

„Случилось то, чего ожидали. И осуществилось настолько точно в такой форме, как предсказывали, что мы поражены".

Дж. М. Кейнс, в лондонской „Нейшен" от 13 марта.

С момента саботажа конференции в Канн, которая открывала перспективы улажения репарационного вопроса, с момента падения Бриана и начала политики Пуанкаре франк падал медленно, но постоянно. В начале 1923 года, в начале рурской экспедиции, фунт стерлингов стоил 67 франков, к концу рурской затеи—80 франков, т.-е. франк имел одну четвертую часть своей стоимости. Начало 1924 года увидело фунт стерлингов на высоте 87 франков, 18 февраля он стоит 100 франков, чтобы в половине марта дойти до 125 франков. Это означало начало катастрофы для широчайших кругов мелкой буржуазии и рабочих, — падение стоимости всех государственных бумаг, находящихся в руках мелкой буржуазии, т.-е. экспроприацию значительной части их достояния и растущую дороговизну. Правительство, стоявшее перед выборами, должно было во что бы то ни стало задержать падение франка. Оно одолжило под золотой залог больше 100.000.000 золотых рублей у английских и американских банков, дабы задержать падение франка, выбрасывая на рынок иностранную валюту и покупая франк. Мы в дальнейшем увидим, какие моменты дали толчок этому падению франка. Но раньше надо остановиться хотя бы вкратце над вопросом об экономическом и финансовом положении Франции, как источнике падения франка.

Экономическое положение Франции сравнительно благоприятнее, чем других континентальных стран, принимавших

участие в войне, несмотря на то, что война Францию более разорила, чем другие страны. Французское земледелие к концу 1922 года было только на 23 проц. ниже довоенного времени. В 1923 году мы видим еще дальнейшее улучшение, как это показывает статистика сбора:

Единицы.	1913 г.	1919 г.	1923 г.
Пшеница 1000 квинт.	86,919	49,653	79,054
Рожь „ „	12,714	7,299	9,376
Ячмень „ „	10,437	4,999	10,231
Овес „ „	51,826	24,935	54,790
Картофель „ „	135,860	77,305	95,340
Свекла „ „	59,400	12,800	32,220
Вино 1000 гектолитр.	44,172	34,353	57,164

Положение промышленности можно наилучше охарактеризовать, приведя следующие данные об основных ее отраслях:

Продукция угля в тоннах.

Годы.	Каменный уголь.	Бурый уголь.
1913	40,051,000	793,000
1919	21,567,000	909,757
1923	37,714,305	851,832

Железоделательная промышленность.

Продукция в тоннах.

Годы.	Железная руда.	Чугун.	Сталь.
1913	21,918,000	5,311,000	4,635,000
1919	9,430,000	2,412,000	2,186,000
1923	23,428,160	5,300,000	4,977,000

Потребление сырья (в тоннах) в текстильной промышленности.

Годы.	Хлопок.	Шерсть.	Шелк.
1913	268,000	249,000	15,400
1919	201,000	177,000	12,000
1923	234,000	277,000	13,200

Вывоз автомобилей в центнерах.

1913 г.	1919 г.	1923 г.
258,000	59,000	407,000

Вывоз химических продуктов в центнерах.

Годы.	Хим. продукты.	Парфюмерия.
1913	11.126.000	514.000
1919	4.019.000	302.000
1923	16.463.000	658.000

Эти цифры указывают на постепенное воссоздание французской промышленности. Одним источником этого являются работы над восстановлением разрушенной Северной Франции, которые французская промышленность ревниво охраняла от иностранной конкуренции, что было одной из причин саботажа ею немецких репарационных поставок натурой. Какое значение для восстановления французской промышленности имели эти работы,—можно увидеть из данных о восстановлении северных областей. До конца 1922 года было построено 554.000 жилых домов, 152.000 временных построек, 19.967 фабрик, 50.700 вновь построенных, 75.000 ремонтированных земледельческих помещений, отстроено 2.400 километров главных железнодорожных линий, 1.523 километра местных железных дорог, 1.050 километров каналов, приведено в порядок 3 миллиона гектаров земли. Внешняя торговля Франции поднялась в значительной мере, как это показывает следующая таблица:

Внешняя торговля Франции в милл. франк.

Годы.	Импорт.	Экспорт.	Дефицит.
1913	8.421	6.808	1.541
1919	35.709	11.879	23.920
1920	49.904	26.894	23.010
1923	32.608	30.431	2.177

До войны Франция покрывала свой торговый дефицит процентами от помещенного за границей капитала: 40 миллиардов помещенных за границей капиталов давали 2 миллиарда % в год. Теперь этот источник дохода на $^4/_5$ исчез, а торговый дефицит является одним из источников падения франка. Но общий вывод этих данных состоит в том, что хотя Франция не достигла еще довоенного экономического уровня, она находится ближе к этому уровню, чем какая бы то ни было европейская капиталистическая держава. Не в области производства лежит поэтому в данный момент источник слабости Франции. В будущем, несомненно, Франция стоит перед крупнейшими затруднениями в этой области. Ей придется решить вопрос о том, где найти рынки для своей громадной металлургической промышлен-

ности, работающей пока только частью своих сил. Но в данный момент центр французских затруднений лежит в области французских финансов. Дать картину этих финансов, хотя бы приблизительно соответствующую фактическому положению, очень трудно по той простой причине, что само французское правительство не знает, как обстоит тут дело. Случилось же недавно, что французский министр финансов де-Ластери с радостью сообщил в палате, будто Франция имеет на 6 миллиардов франков меньше долга, чем он думал. Во всяком случае, государственный долг Франции еще достаточно велик. Французский государственный долг равен был до войны 30 миллиардам франков, при окончании войны — 170 миллиардам. Но с того времени этот долг вырос до 400 миллиардов. По вычислениям французского правительства, напечатанным в „Журналь Офисиель" от 28 июля 1923 года, эта сумма долгов равна 290 миллиардам, но, как указывает немецкий статистик Кучинский, занимающийся постоянно с группой французских экономистов изучением экономических взаимоотношений Германии и Франции, иностранный долг Франции вычислен в 35 миллиардов франков. Но дело в том, что это—золотые франки. И если считать доллар в 20 франков, то эта сумма дает в итоге 100 миллиардов франков; кроме того, французский правительственный список не содержит еще целого ряда займов („Виртшафтсдинст", 11 апреля 1925 г.). Французский экономист Жид тоже высчитывает французский государственный долг в 400 миллиардов. (См. „Германия и Франция, их политика и хозяйство в 1923—24 году", сб. статей, изданных Кучинским, стр. 90). Каким образом покрывает французское правительство свой бюджет? Французский бюджет распадается на две части: на бюджет внутренний и на бюджет расходов, которые должна уплатить Германия. Внутренний бюджет удалось в 1923 году свести без дефицита: доходы равнялись 23.976 мрд. фр., расходы 23.402 мрд. фр. Бюджет же, который идет на покрытие расходов по восстановлению разрушенных областей, на уплату пособий вдовам солдат и т. д., покрывается внутренними займами. С каждым годом растут затруднения Франции при покрытии этих займов. Так, к концу 1922 года 6-миллиардный выпуск казначейских билетов дал такой результат,

что только два миллиарда составляли новый капитал, а 4—конверсию прежних займов. Кратковременный 6-процентный заем, выпущенный в январе 1924 года, был, несмотря на высокое ажио, очень плохо принят. Причина этого явления несложна. Перед войной французские сбережения равны были 4—5 миллиардам золотых франков в год. Они размещались в первую очередь среди мелкой буржуазии. Громадная часть французских рантье обанкротилась благодаря тому, что Россия, Австрия, Турция перестали уплачивать проценты по займам, что внутренние военные французские займы, покупаемые в золоте, имеют теперь в лучшем случае одну пятую часть стоимости. На войне обогатились фабриканты, купцы, зажиточные крестьяне за счет экспроприированной мелкой буржуазии. В их руках сконцентрировались сбережения французского народа. И так как им не приходится жить за счет этих сбережений, то государство на известное время находило в них мощный источник для своих заемных операций. Краткосрочные казначейские займы пользовались у них специальными симпатиями, ибо они гарантировали их от потерь на падении ценности денег. Но экспроприация мелкой буржуазии, уменьшая внутренний рынок, затрудняла даже этим зажиточным слоям „поддержку" государства деньгами. С 1920 года Франция уже не в состоянии выпускать долгосрочных займов. Эти затруднения при размещении займов вызывают не только беспокойство правящей клики насчет того, что будет дальше, но они порождают недоверие у массы покупателей займов к финансам государства. При этом поколебленном доверии громадную роль играет наличие в руках у иностранцев значительной массы франков. Делези высчитывает в своем балансе французского хозяйства, что в руках иностранцев находится 10 миллиардов бумажных франков, которые они накопили, принимая их за продаваемые Франции товары в надежде на то, что франк поднимется. Само собой понятно, что они могут эти массы французских денег выбросить на рынок, когда будут считать это полезным для себя.

Вот потенциальные моменты, которые должны были привести к падению франка, даже если не считать, какую роль

9346
1058779

тут сыграл дефицит торгового баланса. После победы Пуанкаре в Руре стало ясно, что она не может в ближайшее время дать Франции источников для покрытия громадного бюджетного дефицита. Ведь, марка была уничтожена; для восстановления немецкой денежной системы Германия сама нуждалась в финансовой поддержке заграницы. Период стабилизации марки означал громадный экономический кризис в Германии, первые предвестники которого она переживает. Яснее ясного, что во время этого кризиса никто не может навязать ей никаких платежей, а наоборот, что без моратория этот кризис будет смертельным кризисом. Эти соображения толкнули французского мелкого буржуа на скупку английской и американской валюты. Таким же образом повлияло положение на иностранных держателей французских денег. Они достаточно обожглись на падении марки, чтобы рискнуть с франком. Это положение, несомненно, использовали финансовые круги Англии и Америки для того, чтобы сломить шею Пуанкаре, чтобы вырвать у него из рук будущие результаты победы в Руре. Факт налицо, что источником главных толчков падения франка являются иностранные биржи. И если господин Кейнс так сильно удивляется, что все совершилось как можно было ожидать, то мы думаем, что господин Кейнс мог бы рассказать не только о том, как ожидали падения франка, но и как ему содействовали. Что и немецкие банки принимали в этой операции участие,—тоже не подлежит сомнению. Они накопляли франк, когда он был сравнительно устойчив. С момента введения в Германии суррогатов устойчивых денег в форме рентовой марки и золотого займа они начали через оккупированные области выбрасывать франк на рынок.

Падение франка рассеяло весь туман, которым Пуанкаре окутывал действительное положение дел во Франции. Понятно, оставаясь в Рурском бассейне несколько лет, он смог бы многое выжать, ко многому принудить германских капиталистов, но он не мог там оставаться бесконечно, ибо если английский и американский финансовый мир сегодня бросает франк на рынок, то завтра он может затянуть петлю на шее Франции, предъявляя требование уплаты процентов с 35 миллиардов золотых

франков, которые Франция должна союзникам Франция нуждалась в том, чтобы интернационализировать немецкие обязательства, чтобы добиться для Германии иностранных займов, которые бы частью пошли в карманы Франции и помогли заштопать дыру в ее бюджете. Не подлежит сомнению, что и Морган, и директор Английского банка Норман, которые в марте месяце помогли задержать падение франка, получили уже от Пуанкаре обязательства принять условия экспертов, итти на те уступки по отношению к Германии, без которых финансовый мир Америки и Англии не рискнет дать займы. Но мелкобуржуазные массы Франции стали перед вопросом не только о том, как избавиться от необходимости повышения податей для уплаты процентов по займам для восстановления северных областей,—они стали и перед вопросом о том, как вообще уменьшить расходы государства, половина которых идет на вооружение, а половина—на уплату процентов по государственному долгу. Перед этими массами встал вопрос не только о сделке с Англией и Америкой, не только об уступках Германии,—одним словом, не только вопрос о внешней политике Франции, но не меньше и вопрос о внутренней политике, вопрос о том, как разделить тяготы, которые война оставила Франции. Кто должен их уплачивать: мелкая буржуазия или же крупный капитал? 88 проц. доходов государства поступает, по вычислению Делези, из косвенных налогов, в то время, когда подоходный налог не приносит даже полумиллиарда золотых франков. Этот вопрос внутренней политики привел к падению Пуанкаре и вынес к власти в лице левого блока представителей мелкой буржуазии, которая готова отказаться от многих притязаний французского империализма, которая устала от дипломатической игры и военных авантюр при мире. Это положение пытается использовать английская буржуазия для того, чтобы исправить Версальский договор в свою пользу.

III. Политика рабочего правительства Англии.

„Если рабочая партия придет к власти, то она получит наследство прошлого. Она не возьмется за работу с детским убеждением, что может начать все заново. Мы примем мир таким, каким его найдем".

Макдональд в „Сендай Таймс", 21 октября 1923 г.

Политика рабочего правительства Англии в репарационном вопросе стремится к тем же целям, к которым стремились кабинет Ллойд-Джорджа и кабинет Болдуина. Ее целями являются: стабилизация европейского капитализма для воссоздания рынков сбыта, уменьшение расходов на вооружения, ограничение возможности возникновения сильной германской конкуренции, устранение опасности экономической и военной гегемонии Франции. Политика рабочего правительства очень мало отличается в своих методах от политики предшествующих буржуазных кабинетов. Но и та разница в методах, которую приходится в ней подчеркнуть, объясняется не тем, что в министерстве иностранных дел в Лондоне место Керзона занял Макдональд, а тем, что Макдональд пришел к власти в момент ослабления Франции и известного перелома в С. Штатах Америки.

Для оценки внешней политики Англии надо припомнить основные факты хозяйственного положения Англии. Оно значительно улучшилось за последние годы. Добыча угля последнего года равна 278 миллионам тонн, она отстает только на 11 миллионов от добычи 1913 года; добыча железа равна 7,04 миллиона тонн, в то время как в 1913 году она равнялась 10 миллионам. На текстильной промышленности еще тяготеет кризис. Это наиболее ясно видно из того, что в то время,

когда в 1913 году Англия ввозила 19 миллионов центалов хлопка, она в 1923 году ввозит только около 13 миллионов. Ввоз шерсти, который в 1913 году равен был 21 миллиону центалов, в 1923 году равен только 7,04 миллиона. Ввоз льна, юты и т. д. упал от 600 тысяч тонн до 265,000. Английская внешняя торговля, высчитанная по индексу цен 1913 года, дает следующую картину („Виртшафтсдинст", Гамбург, № 11, от 14-го марта 1924 г.):

	Индекс. цены в милл. фунт.			В проц. в сравн. с 1913 г.	
	1923 г.	1922 г.	1913 г.	1923 г.	1922 г.
Ввоз	735,7	659,4	768,7	93	85,8
Британск. вывоз	404,4	361,8	525,2	74,5	68,9
Транзитн. вывоз	94,0	89,8	109,6	81,3	81,5

Как известно, дефицит своего торгового баланса Англия покрывала всегда процентами от капитала, помещенного за границей, доходами от пароходства, банковым посредничеством и т. д. В отличие от Франции она не потеряла большинства своего капитала, вложенного за границей. Этот баланс т.-н. скрытого вывоза, по данным „Борд оф Трэд Журнал", от 31-го января 1924 г., выглядит следующим образом:

	1913 г.	1922 г.	1923 г.
Доходы от помещ. за границ. капитала в милл. фунт.	210	175	150
Доходы от пароходства	94	110	110
Услуги	35	40	40
Сумма скрытого экспорта	339	325	300
Превыщение ввоза	158	170	203
Активн. платежн. баланса	181	155	97

Если высчитать, что фунт стерлингов потерял благодаря росту цен 42 проц. своей стоимости, то активность баланса уменьшилась на 124 миллиона фунтов. Все эти данные не дают точного понятия об экономическом состоянии Англии. Английский экономист профессор Боули считает, что в 1923 году Англия производила только 87 проц. продукции 1913 года. „Экономист" оспаривает эти данные и думает, что Англия производит 95 проц. довоенного. Кейнс („Нейшен",

от 12-го апреля) соглашается с этим предположением, но указывает на то, что население Англии возросло на 2 миллиона. Трудности всех этих исчислений лучше всего видны из того, что цены сырья возросли на 50 проц., цены предметов широкого потребления на 78 проц., цены экспортируемых товаров на 90 проц. Очень трудно на основе этих основных факторов весьма различного уровня развития дать общую картину. Что Англия не достигла еще довоенного уровня промышленности, — лучше всего доказывает факт наличия миллиона безработных, даже если принять во внимание, на что правильно указывает редактор „Экономиста" Лейтон в дискуссии об экономическом положении Англии (лондонская „Нейшен", от 3-го мая), что среднее число безработных в Англии и перед войной равно было 400.000. Но английская буржуазия не утешается этим улучшением экономического положения. Она, во-первых, спрашивает, что будет, если будет восстановлена экономическая сила Германии. Уже в прошлом году говорил Ллойд-Джордж: „Допустим, что завтра вы урегулируете репарационный вопрос и будете иметь в Европе действительный мир. Даст ли вам это благосостояние? В момент, когда в Европе восстанавливается мир и стабилизируется валюта, вы окажетесь лицом к лицу с настоящим соперничеством и конкуренцией. Франция колоссально усилила производство именно тех продуктов, которые мы продаем на внешних рынках. В Германии произошло то же самое, она вполне подготовлена к широкому развитию, которое будет осуществлено, когда отношения будут урегулированы" („Обсервер", 25-го ноября 1923 г.). К этому вопросу Ллойд-Джордж возвращается в статье в „Нейшен", от 12-го апреля, которая дала повод к упомянутой дискуссии об экономическом положении. „Месячные обозрения торговли показывают улучшение, и число безработных уменьшается. Но может ли разумный человек рисковать своим достоянием в расчете, что в ближайшие пять лет вернутся нормальные условия... Если будут окончательно установлены мирные отношения и наступит стабилизация, то мы станем лицом к лицу с конкуренцией наций, улучшивших свои

производственные машины и вычеркнувших свои долги".

Английская торговля удержалась за последние годы на уровне, на котором она теперь находится, благодаря росту экономических отношений Англии с ее колониями. В то время, когда ввоз из Европы с 1913 года упал с 41,6 проц. до 34,01 проц. в 1923 г., участие английских колоний в ввозе возросло с 24,08 проц. в 1913 г. до 29,07 проц. в 1923 г. В то время, когда участие Европы в английском вывозе упало с 36,09 проц. в 1913 году до 35,02 проц. в 1923 году, участие колоний возросло с 37,2 проц. в 1913 году до 39,2 проц. в 1923 году. Но это было достигнуто в первую очередь благодаря тому, что вывоз английского капитала направляется преимущественно в колонии. В 1913 году Англия вывезла на 200 миллионов фунтов капитала, в 1922 году на 150 миллионов фунтов, а в 1923 г.—130 миллионов фунтов („Статист", от 5-го января 1924 г.). Данные о размещении этого капитала следующие: в 1913 году Англия вывозила 98 миллиовов фунтов в другие страны, 99 миллионов в собственные колонии; в 1922 году иностранные займы поглощают на 20, в 1923 году на 30 миллионов фунтов меньше, чем колониальные займы. Если Англия хочет теперь принять участие в восстановлении европейского хозяйства, то ей придется уменьшить вывоз своего капитала в колонии, уменьшить, таким образом, и их покупательную силу. Одновременно она должна считаться с тем, что растет промышленное производство ее колоний, и, таким образом, уменьшается перспектива беспрерывного роста их, как английского рынка сбыта.

Исходя из этих фактов, английская буржуазия отказалась в последних выборах от утопии консерваторов уйти из Европы, опереться в первую очередь на колониальные рынки, поскольку консерваторы вообще всерьез об этом думали. Английская буржуазия, которая с момента рурской экспедиции Пуанкаре присматривалась бездеятельно к событиям в Европе, пытаясь только за кулисами подстрекать Германию к сопротивлению, решила вернуться активно в Европу. Ее роль зрителя во время рурской затеи была только вынужденной, ибо чем же она могла удержать Францию, взявшую в свои руки само-

стоятельное решение репарационного вопроса? Она не только не могла рисковать войной, от ударов которой еще не вылечилась, но она даже не могла рискнуть остро противопоставить свою политику французской, ибо это обозначало бы разрыв Антанты. Но как же могла Англия решиться на разрыв с Францией, когда у нее нет ни одного союзника в Европе, и когда она не знает, каковы будут в будущем отношения С. Штатов Америки к ней?

Оставалось ждать, что Пуанкаре сломит себе шею на немецком сопротивлении, или что он даже в случае победы над Германией истощится. Последнее и сбылось. Пришло время английского вмешательства. Первой его формой было участие Англии в биржевых махинациях, направленных к понижению курса франка. Это привело Францию к признанию проекта экспертов. Теперешняя задача состоит в том, чтобы заставить Францию уйти из Рурского бассейна. Это обеспечит, во-первых, равные условия для Англии и Франции в попытках сделки с германскими королями угля и железа, устранит опасность создания франко-германского угольного и железного треста, во-вторых, уменьшит давление Франции на Германию вообще, уменьшит престиж Франции в Польше, Чехо-Словакии, Румынии и Юго-Славии, где в последнее время Англия начала очень успешно противодействовать французскому влиянию. Если будет проведен заем для Германии в 400 миллионов золотых рублей, половину которого должна дать Америка, а половину английские банки, то это сделает зависимой от англо-саксонского капитала не только Германию, но и Францию. Проведение в жизнь проекта экспертов интернационализирует германские обязательства. Германия не должна быть должником Франции. Ее место должна занять международная биржа. Тогда Франция не будет в состоянии держать Германию под ударом, дезорганизовывать ее хозяйство и сокращать, таким образом, английский рынок сбыта. Раз дела станут на эти рельсы, то возникает сильный толчок для уменьшения французских вооружений. Вот расчеты английского капитализмв. Франция требует взамен за свое согласие на такие решения отказа

Англии от долгов, которые Франция имеет по отношению к ней. Английское правительство не соглашалось и не соглашается вычеркнуть французский долг. Макдональд уклонился до сего времени принять какие бы то ни было обязательства в этом направлении, и он их, наверное, не примет без уступок Франции в вопросах иностранной политики и в вопросах вооружения. Франция добивается, чтобы Англия согласилась на гарантию территорий, захваченных Францией, и обязалась совместно с Францией выступить с карательными мерами против Германии, в случае неисполнения обязательств, принятых Германией. Англия пытается избавиться от этого последнего обязательства, отнимая у репарационной комиссии право установления германских упущений. Это право должно принадлежать банкам, которые дадут заем. Таким образом, Англия хочет взвалить вину за пощаду Германии на Америку, без помощи которой нельзя финансировать займы. Макдональд, припертый к стене в Париже, выдумал переходную формулу участия в решении вопроса о вине Германии представителя Америки, являющегося агентом комиссии экспертов. Он надеется, что ему удастся при помощи Америки, еще на Лондонской конференции добиться более ясных решений, уничтожающих возможность французского саботажа предложения экспертов. Что же касается гарантирования французской безопасности, то от него Англия отбояривается всеми силами.

Активность политики Макдональда является, таким образом, результатом ослабления позиции Франции и возвращения Америки в Европу, ее участия в решении репарационного вопроса. Мы приходим, таким образом, к вопросу о том, почему С. Штаты Америки, которые после Версальского договора ушли из Европы, теперь возвращаются к ней и принимают участие в решении ее проклятых вопросов.

IV. Возвращение Америки в Европу.

Соединенные Штаты были главным поставщиком мировой бойни. Если бы Великобритания не господствовала на морях, Соединенные Штаты поставляли бы хлеб, пушки, снаряды для обеих воюющих коалиций. Но путь в Германию был перерезан английским флотом. Только поддерживая Антанту, мог капитал Соединенных Штатов чеканить золото из крови. Для разрушения городов в Европе из-под земли вырастали новые города в Америке: города мясных консервов и города снарядных фабрик. Американская промышленность росла темпом, необыкновенным даже для этого континента бешеных перемен. Скоро Антанта оказалась не в состоянии оплачивать свои заказы. Тогда финансирование их взял на себя банковский дом Пирпонта Моргана. Гора долгов росла. А дела союзников в Европе становились все хуже и хуже. Россия теряла одну армию за другой. Румыния была разбита. Австро-германская коалиция открыла себе путь к Турции. Кто же заплатит союзные долги Пирпонту Моргану? Вильсон, выбранный во второй раз в президенты на основе обещаний мира и нейтралитета, ввел Америку в войну, вопреки ясно выраженной воле большинства ее населения, сломив всеми средствами капиталистической диктатуры сопротивление страны. Переход Америки на сторону Антанты решил победу антантовского капитала. Люди, питавшиеся пшеницей и мясом громадной северо-американской страны, люди, вооруженные Викерсом, Шнейдером-Крезо и Бетлехем-Стиль-Корпорешен, победили голодных людей, вооруженных только Круппом и заводами Скода. Америка вышла из войны, израсходовав 33 миллиарда долларов, имея в своем портфеле векселя союзников на 10 миллардов. На

корабле „Вашингтон“ отправился в Европу Вильсон, демократически-пацифистический президент Соединенных Штатов. Мелкобуржуазные массы западной, южной и восточной Европы приветствовали эту куклу Моргана, как мессию, который привозит им после пушек 14 заповедей нового устройства жизни.

Идея Лиги Ниций, выдвинутая Вильсоном, означала, по существу, стремление финансовой верхушки американского капитала к гегемонии над Европой. Она разбилась о непреодолимые препятствия как в Европе, так и в самих Соединенных Штатах. Гегемония Америки требовала осуществления свободы морей; но Великобритания не собиралась срыть крепости на скалах Гибралтара, Мальты, укреплений на песках Суэца, Адена и сотен других опорных пунктов английского флота. Франция, захватив Рейн, заявила: „Насчет самоопределения и насчет лозунга „против аннексий“ — вы очень хорошо это сказали. Мы дезаннектировали Эльзас и Лотарингию, а Саарский бассейн может самоопределяться через 15 лет, если у немцев будет достаточно миллиардов, чтобы выкупить рудники и копи, которые будут работать вместо разрушенных в Северной Франции“. Коротко говоря, стремление американского финансового капитала к установлению американской гегемонии в Европе натолкнулось на сопротивление союзного капитала. Само собой понятно, что задолженность Америке в 10 миллиардов долларов—не шутка. Но связанным является не только должник, но и кредитор. Американская финансовая олигархия не могла немедленно же после войны повернуть против держав, которым только-что помогла победить, если она не хотела неслыханно скомпрометироваться в глазах американских масс. Что же касается военной помощи в будущем, то исход войны явился началом новых группировок держав при совершенно неизвестных комбинациях сил.

Если руководящие элементы победоносного европейского капитала дали решительный отпор стремлению американского финансового мира к диктатуре над Европой, то в Америке это стремление не встретило поддержки даже буржуазии. Промышленная буржуазия имеет в Америке громадный внутренний рынок. Перед ней возможность завоевания Юж-

ной и Центральной Америки, где единственным серьезным конкурентом осталась Англия. Перед ней Восточная Азия, где предстоит бой за будущее, во сто раз более притягательное, чем отстройка развалин Европы. Союзные державы должны американскому государству 10 миллиардов долларов. Надо их будет заставить уплатить, дабы уменьшить давление податей (проценты государственного долга равны сейчас всему довоенному бюджету), которые угрожают удорожанием стоимости производства. Если же Морган лично одолжил союзникам 4 миллиарда, то пусть он сам заботится об их возвращении.

Массы американских фермеров, мелкой буржуазии устали от войны. Вмешательство в европейские дела—это опасность дать себя впутать в новые военные авантюры. Версальский мир чреват опасностями новых войн. Если Европа настолько сошла с ума, что не знает иного выбора, чем мировая война или судороги революции, то разумный американец должен повернуться к ней спиной.

И Соединенные Штаты повернулись спиной к Европе. Вильсон с его Лигой Наций в одной и с Морганом в другой руке был разбит. К власти пришла партия республиканцев, партия консервативной промышленной буржуазии, за спиной которой стоял нефтяной трест, с Рокфеллером во главе, и новая заповедь гласила: обособление от европейской драки, и да здравствует драка с союзниками за нефть!

Само собой понятно, что Соединенные Штаты Америки, в лице своего руководящего класса, ни на один момент не думали вообще уйти от мира сего и заняться только честным трудом в четырех стенах Соединенных Штатов Америки, как бы ни громадны были ее пространства. Для этого Соединенные Штаты Америки слишком велики, богаты и заинтересованы в развитии мировой политики. Во-первых, американская буржуазия вывозила капитал за границу, несмотря на то, что внутри самой Америки за последние годы возникло громадное количество новых акционерных обществ, с новым капиталом в 8 миллиардов долларов в год. Эти деньги шли в первую очередь в южно-американские страны, в Африку и Восточную Азию, а отчасти и в Европу. В Европе они осчастливили страны с сравнительно устойчивым

капитализмом, как Норвегию, Швейцарию, где не было риска, 40 же проц. вывозимого капитала шло в Южную Америку. В Восточную Азию вывезли в 1922 г. капитала на 110 миллионов долл. в 1923—на 70 млн. долларов. Участие Соединенных Штатов в покрытии займа на восстановление разрушенной землетрясением Японии—это одно из средств усиления той части японской буржуазии, которая является противником обострения отношений между Японией и Америкой. Во-вторых, Соед. Штаты вели очень энергичную мировую политику. „Ни один адмирал не затопил в своей жизни столько кораблей, сколько американский министр иностранных дел Юз на конференции в Вашингтоне в 35 минут",—сказал английский военный писатель полковник Репингтон по поводу исхода вашингтонской конференции, положившей конец первенству Великобритании на море. На той же самой конференции Соединенные Штаты заставили Великобританию отказаться от союза с Японией. На конференции в Лозанне Соединенные Штаты появились, как первоклассная держава, в высокой степени заинтересованная положением на Ближнем Востоке. В то время, когда американский посол Чайльд играл только роль наблюдателя, представители нефтяного треста добивались и добились от англичан согласия на участие американского капитала в разделе нефти, освобожденной от турецкой тирании. Даже по отношению к русским делам Америка ни на один момент не оставалась настолько бездеятельной, как это казалось читателю нот и речей благочестивого господина Юза, который притворяется, что знает о России только то, что в ней отсутствует „демократия". Книга Девенпорта и Кука („Нефтяные тресты и англо-американские отношения", Лондон, 1923) вполне подтверждает предположения докладчика Наркоминдела по нефтяному вопросу тов. Аренса, что Генуэзская конференция была сорвана американским нефтяным трестом, который, не решаясь сам брать концессии на нефть в России, боялся, что на эту сделку может пойти английский нефтетрест. Даже нефтяной скандал в Америке, который так повредил республиканскому правительству, был инсценирован агентами Стандарт-Ойль, не побоявшимися скомпрометировать поддерживаемое им правительство только для того, чтобы добиться компромета-

ции компании Синклера, имевшей смелость итти на нефтяную сделку с Советским правительством и срывающей, таким образом, политику Стандарт-Ойль. Американская политика по отношению к России есть политика собаки, сидящей на сене, которая сама не ест и другим не дает. Только по отношению к Германии Соединенные Штаты Америки оставались бездеятельными, выжидая момента, когда переход к активности даст им возможность, ценой самых незначительных расходов, добиться самых больших результатов. В своем докладе IV съезду Коминтерна о ликвидации Версальского договора я писал:

„Не предоставляя Германии займа, Америка может привести хозяйство и финансы Германии в такое состояние, при котором доллар купит промышленность Германии по самой дешовой цене. Когда бывший сенатор Нокс выступил с предложением о вмешательстве Америки в хозяйственные дела Европы, он выдвинул следующий план финансового контроля над Германией: так как Франция является врагом Германии, а Англия не пользуется доверием со стороны Франции, то над Германией невозможен ни французский, ни английский финансовый контроль, и надо назначить контролером американского министра Гувера, который является беспристрастным лицом. Такова программа контроля Америки над Германией, программа, которая при дальнейшем обострении экономического положения в Европе может скоро превратиться в действительность. Версальский договор, который устанавливал полное господство Франции над Германией, таким образом, ликвидирован, и вопрос состоит теперь лишь в том, в каких формах союзники признают эту ликвидацию. Вопрос, на который теперь еще нельзя дать ответа, состоит в том, произойдет ли эта ликвидация в форме соглашения между американским и французским или американским и английским капиталом". („Ликвидация Версальского мира", октябрь 1922 года, стр. 17).

Ну, и вот, ликвидация Версальского договора происходит путем англо-американской кооперации. Это положение создалось в результате следующих обстоятельств:

а) Марка крахнула, и Германия принуждена согласиться на все, что ей продиктуют ее спасители. Корреспондент „Кельнской Газеты" сообщает, что когда руководящие люди американских финансов развивали ему условия, на которых Америка „спасет" Германию, он обратил их внимание на то, что Германия вряд ли сможет пойти на подобные условия, ибо она тогда вообще не будет иметь никакого права принимать какое бы то ни было участие в решении своей судьбы. На это недовольство условиями „спасения" американские финансисты ответили пожиманием плеч. Этого мало. Главным внешне-политическим препятствием для Америки в репарационном вопросе являлась боязнь оттолкнуть Францию. Еще в январе прошлого года г. Пуанкаре гордо заявлял, что он не намерен вручать судьбы Франции в руки международного финансового капитала. Поэтому именно он и пошел в Рур, чтобы самостоятельно решить репарационный вопрос. Теперь орган английского министерства иностранных дел „Дейли Телеграф" может холодно и открыто устанавливать, что, добиваясь поддержки франка английскими и американскими банками, г. Пуанкаре обязался подчиниться решению комиссии экспертов, руководимой представителем американской банковской фирмы Морган, маргариновым генералом Дауэсом. Пока Франция не находилась в положении, принуждающем ее к отказу от самостоятельной политики, Америка не могла на нее давить без того, чтобы не очутиться открыто на стороне Англии против Франции. Она не решалась на такое неделикатное обращение с Францией, ибо Франция может ей еще понадобиться против Англии. Теперь Америка проводит свою политику и выступает одновременно в роли спасителя и Германии, и Франции.

б) Не менее благоприятна позиция американского правительства с точки зрения положения внутри страны. Главный вопрос для финансовой верхушки Америки, толкающей Соединенные Штаты в Европу, состоял в том, как обеспечить себе поддержку или хотя бы нейтралитет широких

масс. Эту поддержку обеспечивает Моргану аграрный кризис и начало промышленной депрессии. Уже в 1921 году Альберт Шоу, издатель американского „Обозрения Обозрений", писал в традиционном номере лондонского „Таймса", посвященном годовщине отделения Соединенных Штатов от Англии: „В первый раз в истории фермеры Соединенных Штатов начали понимать, что их личное благополучие зависит в большей степени от внешних отношений, чем от других элементов, влияющих на сельскохозяйственное производство". За это время аграрный кризис не ослабел, но усилился. В 1922 году 2 миллиона сел. хоз. населения должны были бросить земледелие. В 1923 году в город эмигрирует уже 3 миллиона. Значительная часть северных земледельческих районов пустует. Начинается банкротство земельных банков. Правительство перед выборами принуждено выступить с какой-нибудь программой, обещающей облегчение положения фермеров. Возвращение Соединенных Штатов в Европу преподносится этим массам, как средство завоевания нового рынка для американского хлеба. Это в значительной степени обман, ибо существо американского земледельческого кризиса состоит не только в уменьшении европейского рынка сбыта, но и в том, что Америка производит хлеб дороже, чем Аргентина, Канада и Россия. Но крестьянские массы не так уж хорошо считают, чтобы Морган не смог им втереть очки. Характерно, что мелкобуржуазные представители фермерской массы, как Лафоллет и Джонсон, высказываются за „помощь Германии". Второй момент, благоприятствующий попытке втянуть Америку в дебри репарационного вопроса,—это промышленная депрессия, начавшаяся весной этого года. Уменьшение производства стали на 20 проц.; крупный кризис в текстильной промышленности; уменьшение производства автомобилей на 20 проц; кризис в угольной промышленности,—все это указывает на тот факт, что рост американской промышленности опередил рост внутреннего рынка. Экономический поход на Европу представляется массам в качестве средства уменьшения безработицы, завоевания новых рынков сбыта в Европе, которая перед войной покупала 62 проц. американского вывоза и давала около 50 проц. американского ввоза, а теперь со-

ставляет только 55 проц. американского вывоза и 31 проц. американского ввоза. Наконец, 4.000 000.000 долларов золотом, т.-е. 40 проц. всего наличного в мире золота, лежащего даром в американских банках, угрожают обесценить это золото. Угрожают так-наз. золотой инфляцией. Капитал—это ценности, рождающие прибавочные ценности; американское золото стремится в Европу, чтобы выколачивать прибавочную стоимость из белых европейских кули.

„Генерал Дауэс завершает победу генерала Першинга"

— так озаглавило американское обозрение „Литерери Дайджест" статью о приеме доклада экспертов мировой прессой. Когда-то американский капитал представлялся Европе в качестве хорошего дяди, помирающего к радости своего промотавшегося европейского племянника. После, вместо комичного старика в высоком цилиндре и со звездным знаменем в руках, появилась невинная невеста с большим приданым—дочь миллионера фабриканта зубной пасты в Чикаго, осчастливливающая своей рукою принца Генриха 67-го Рейс-Грайц и т. д. Теперь является пацифистская Америка со своими миллиардами в лице генерала Дауэса, в котором подлинными являются только эполеты [1]). Генерал Дауэс—это провинциальный американский адвокат, который, защищая интересы маленьких газовых компаний, пролез в банки, финансирующие эти предприятия, и, наконец, пробрался в их управление. Так как бог вознаграждает праведников, то г. Дауэс погрел руки и вошел в распространенную семью бедных миллионеров. В качестве такого бедняка с парочкой миллионов он сделался агентом Моргана. Когда Америка вступила в войну, он стяжал чин генерала и мужественно сражался в интендантском бюро генерала Першинга. Вернувшись в Америку, повесил лавры и саблю на гвоздь, и занялся старой прибыльной работой: представлял Моргана

---

1) Берлинские „Дни", орган Керенского, очень обиделись на меня за эту статью о роли американского финансового капитала, и для доказательства, какой я невежда, поучали меня, что американские офицеры не носят эполетов. Г. Керенский проявил во время своего царствования в России такое уважение к эполетам, что я не могу отказать ему в звании спеца этого дела и исправляю здесь допущенную в моей статье ошибку.

во многих подчиненных ему предприятиях. Когда же Морган решился включить Германию и всю остальную Европу в систему своих предприятий, генерал Дауэс для пущего блеска надел старый мундир и возглавил комиссию экспертов. До этого момента славный генерал Дауэс известен был Америке лишь тем, что, выступая на суде, курил трубку люлькой вниз и прекрасно играл на скрипке. Теперь генерал имеет все шансы думать, что от него, как от Колумба, начнется новая эра в истории человечества—эпоха открытия Европы Америкой. Колумб был, как известно, честный человек, но его затея пока-что кончилась тем, что феодальные и капиталистические разбойники Европы дочиста ограбили мирное население Америки. Мы ничего плохого не хотим сказать о сердце и совести искусного курителя трубок и скрипача-виртуоза генерала Дауэса, но мы должны установить, что он отличается от Колумба тем, что едет в Европу с точным планом ее ограбления в кармане. План экспертов, как мы покажем в следующей статье, является самым утонченным орудием эксплоатации Германии. Шведский буржуазный экономист проф. Густав Кассель пишет с полным основанием („Свенска Дагеблат", от 6 июля):

„План Дауэса является совершеннейшим и успешнейшим планом систематического высасывания соков народа, живущего в условиях современной культуры".

V. Предложения экспертов.

1) Сколько требуют эксперты с Германии? Они не определяют общей суммы германских платежей и не устанавливают окончательного срока платежей. Но это только внешняя сторона дела, ибо из условий погашения промышленных и других облигаций и т. д. видно, что они рассчитывают, что платежи будут продолжаться 36 лет, и что эти платежи должны дать в общей сумме 90 миллиардов зол. мар. (теперешняя капитальная стоимость которых равна 40 миллиардам). Сумма платежей по лондонскому плану 1921 года была выше на одну треть.

По плану экспертов, Германия должна уплатить в 1924—5 г. 200 миллионов золотых марок; в 1925—6 г.—1.220 миллионов золотых марок; в 1926—7 г.—1.220 миллионов плюс или минус 250 миллионов (в зависимости от обстоятельств, которые здесь не зачем разъяснять); в 1927—8 г.—1.750 миллионов плюс или минус 250 миллионов (по тем же самым соображениям); в 1928—9 г. 2.500 миллионов. Этот последний год считается уже нормальным, и в следующие годы Германия должна уплачивать ту же дань, которая может быть повышена, если данные потребления угля, железа, роста внешней торговли и потребления табаку и т. д. укажут значительный рост благосостояния Германии. Сумма в 2.500 миллионов годичных платежей есть самая низкая сумма, которую союзники требуют от Германии. В лондонском ультиматуме (1921 г.) они требовали 2.000 миллионов плюс 26 проц. стоимости вывоза. Сама же Германия в предложении правительства Куно выдвигала сумму 1.800 миллионов в год. Для оценки размеров теперешних требований важно подчеркнуть, что эти 2.500 миллионов должны представлять

сумму всех платежей Германии, в то время, как до этого времени она уплачивала, по крайней мере, 1.000 миллионов в год на расходы по оккупации и т. д. Таким образом, не подлежит сомнению, что доклад экспертов предлагает уменьшение платежей, в сравнении с той суммой, которую до этого времени союзники требовали от Германии.

2) Из каких источников должна Германия уплачивать дань? Первым источником должны являться пошлины, винная монополия, налоги на табак и пиво. Этот источник должен начать действовать только в 1925—26 году, давая в первый год 500 миллионов марок, в 1926—7 г.—110 миллионов марок, в 1927—8 г.—500 миллионов марок и по 1.250 миллионов марок, начиная с 1928—9 года. Вторым источником является промышленность, которая выпускает на 5.000 миллионов облигаций с оплатой в 5 проц. и в 1 проц. на погашение. Этот источник дает в 1925—6 году 115 миллионов, в 1926—7 г.—250 миллионов, а с 1927—8 г.—по 300 миллионов.

Третьим источником являются железные дороги. Оставаясь государственной собственностью, они переходят в эксплоатацию частного общества, которое выдает облигации на 11.000 миллионов, дающие те же проценты, что названные выше промышленные облигации. Вдобавок взимается транспортная подать. Этот источник должен дать в 1924—5 году 200 миллионов золотых марок, в 1905—6 г.—595 миллионов, в 1926—7 г.—840 миллионов, а с 1927—8 г.—950 миллионов.

3) Может ли Германия уплачивать эту дань? Доклад экспертов величается в мировой капиталистической печати, как первая научная попытка оценить платежеспособность Германии. На деле Кейнс должен был признать, что „предложения насчет третьего и четвертого года основаны на предположениях о размерах германских доходов, которые могут оказаться так же фальшивыми, как и правильными“ (лондонская „Нейшен“, от 12 апреля). Это же можно сказать о всех других предположениях доклада экспертов. Их научное обоснование на деле сводится к следующей приблизительно комбинации:

Национальный доход Германии равен был в 1923 году, по вычислениям германского правительства, 25.000 милл. золотых марок. Податное обложение составляло 7.000 милл., т.-е. 28 проц. дохода. Если этот доход возрастет до 34.000 милл., т.-е. на 40 проц., то при сохранении даже податной нормы в 28 проц. хозяйство без новых тягот уплатит дань союзникам. 1923 год был, благодаря рурским событиям, очень тяжелым для германского хозяйства. И поэтому,—говорят союзники,—Германия сможет уплатить то, чего от нее требуют.

Но где доказано, что рурский год был обязательно самым тяжелым для Германии? Германия переживает теперь очень тяжелый экономический кризис, о котором еще придется говорить, и никто не знает, не окажутся ли предложения экспертов новым карточным домиком. Но одно уже ясно: предложения экспертов фиксируют, что половину дани должны уплатить широкие народные массы путем увеличения бремени косвенных налогов на 1.250 милл. в год. Предложения экспертов, таким образом, построены на ухудшении положения рабочих, совершенно независимо от того, что,—это само собой разумеется,—и железные дороги, и промышленность будут пытаться перебросить на рабочую массу и ту часть дани, которую они должны нести.

4) В чем главное различие предложений экспертов от тех платежных планов, которые союзники до этого времени выдвигали?

а) Проект союзников с 1921 года вообще не определял, откуда Германия должна взять деньги для уплаты дани. На деле значительную часть своих взносов она уплачивала, продавая марку заграницe, спекулирующей на ее будущее повышение. Кейнс очень хорошо описывает эту операцию в статье, посвященной докладу Мак-Кенна, бывшего английского министра финансов, о германском капитале, помещенном за границей. „5 лет,—пишет Кейнс,—выжимали победители Германии обеими руками лимон, так что у них руки болели. Всякую каплю собирали в чашу и только к концу заметили, что капли текут не из лимона, а с их собственных пальцев: сумма, уплаченная Германией на репарации, отвечает приблизительно той сумме, на

которую заграница купила германских марок, не представляющих никакой ценности. Как нам сообщают, миллион иностранцев держали в германских банках счета в среднем в 4.000 золотых марок. В первую очередь эти легкомысленные люди уплатили германский счет. Эта группа состоит из банкиров, сведущих лиц по финансовым делам. Кроме них, миллионы парикмахеров, прислуги покупали на свои несколько шиллингов или фунтов германскую марку, свежую, как только она выходила из-под пресса, пока мир не почуял запаха этой марки".

А как только мир почуял запах германской марки, весь платежный план союзников полетел к чорту. Тогда господин Пуанкаре решил сам взимать налоги, захватив Рурский бассейн, как ограниченный, конкретный источник доходов. Чем это дело кончилось,—известно. По неофициальным сведениям, затея стоила Франции миллиард франков в месяц. Один сатирический журнал в Париже удачно изобразил положение, нарисовав генерала Дегута, сидящего в Рурском бассейне, обложенного шубами и телеграфирующего Пуанкаре: „Работаем очень успешно, присылайте уголь, здесь очень холодно!" Теперь союзники выдвигают третий план: они накладывают руку не на определенную область Германии, а на определенные источники доходов.

б) Главное затруднение союзников состояло до этого времени в том, что Германия была обязана уплачивать дань в иностранной твердой валюте. При пассивности ее торгового баланса покупка иностранной валюты привела к крушению марки. Но само собой понятно, что если бы союзники, стабилизировав путем займов германскую марку и получив ее обратно за счет репарации, начали ее вывозить, то в результате получился бы новый срыв стабилизированной марки, ибо, во-первых, это увеличило бы эмиссию, и, во-вторых, за эту марку союзники должны были бы брать у Германии товары, не давая ничего взамен, т.-е. еще более ухудшая ее торговый баланс. Какой выход из этого положения? План экспертов поставил вопрос о том, как перевести немецкие репарационные платежи из германской марки в иностранную валюту. С этой целью основывается

золотой банк, находящийся под решающим контролем союзников, в который стекаются все репарационные доходы в марке. Банк реализует марку в иностранную валюту только в том случае, если это позволяет торговый баланс Германии, в противном случае деньги остаются в Германии. Из этой суммы до 2 миллиардов марок употребляются для краткосрочных финансовых операций, до 5 миллиардов золотых марок может оставаться в Германии. Вывозятся только проценты. Что это означает? Это означает, что репарационные суммы должны служить для закупки промышленных предприятий в Германии и т. д., для регулирования германского кредита. Американский банкир Юнг, который предполагается главным репарационным агентом, заявил несколько дней назад известному корреспонденту „Матен" Зауэрвайну, что совершенно неизвестно, удастся ли вообще переводить значительные суммы из Германии за границу. Тогда останется только одно: вкладывать деньги в немецкое хозяйство, т. е. путем репараций оккупировать экономически Германию. Не зачем специально широко объяснять опасность, с этим связанную. Так как Франция очень нуждается в деньгах, то вряд ли она может удовлетвориться процентами и будет стремиться к капитализации долга путем международных займов. Уже самый факт, что железнодорожные и промышленные облигации придется продавать в первую очередь в Америке и Англии, создает опасность непосредственной заинтересованности международного капитала в увеличении эксплоатации германских рабочих. Будущие международные займы еще более увеличат эту заинтересованность. Германский рабочий класс будет предметом эксплоатации всего международного капитала и в своей революционной борьбе будет иметь с ним дело еще в десять раз больших размерах, чем это вытекает и теперь вследствие его положения в сердце Европы.

в) Понадобилось бы слишком много места, чтобы дать конкретную картину организации управления германских железных дорог, нового предполагаемого банка. Достаточно

сказать, что союзники сохранили за собой решающее влияние в этих двух основных инструментах германского хозяйства. Они будут определять число рабочих, занятых на железных дорогах, заработную плату, высоту железнодорожных тарифов. Они будут определять кредитную политику Германии. Доклад экспертов указывает вполне ясно, какая цель преследуется при этом. Германия перед войной и после войны увеличила способность конкуренции своей промышленности на иностранном рынке путем понижения железнодорожных тарифов, уплат в гаванях и т. п. Доклад экспертов не скрывает, что, беря в свои руки железные дороги, союзники приобретают рычаг для уравнения условий конкуренции между Германией и другими странами. Ту же самую цель преследует увеличение немецких податей. Доклад экспертов говорит совершенно определенно, что

> „было бы несправедливо и во всех отношениях нежелательно, чтобы плательщик союзных стран подвергался в качестве потребителя более тяжелым налогам, явившимся в результате войны, нежели немецкий потребитель, или же в качестве производителя был бы обременен в торговой конкуренции более высокими расходами, в том числе и заработной платой, чем его немецкий конкурент".

Смысл предложений экспертов очень ясен. Репарации не являются главной целью этих предложений. Главной их целью является регулирование экономической жизни Германии союзным и американским капиталом в соответствии с его интересами. Недаром уже накануне Лондонской конференции в английском парламенте господин Болдуин, председатель консервативной партии и бывш. совладелец известной машиностроительной фирмы, заявил: „Мы не можем отделаться от факта, что, ставя на ноги Германию, мы одновременно восстанавливаем нашего наиболее сильного и наиболее опасного конкурента... Я поэтому спрашиваю премьер-министра, хочет ли он продумать во-

прос, какие надо принять меры, дабы германская промышленность путем податей или другим путем была наказана так же, как и наша промышленность".

5) Значение предложения экспертов. Подводя итоги вышеуказанному, мы можем сказать, что предложения экспертов представляют собой ликвидацию Версальского договора, но не в лучшую, а в худшую сторону. Политика Франции хотела разорвать в куски Германию. Это была безнадежная затея не только потому, что не так легко разорвать в куски промышленный народ в 60 милл. человек; не только потому, что при этой попытке Франция развязывала бы громадные революционные силы в Германии и надорвала бы свои собственные силы. Затея Пуанкаре, кроме того, обостряла англо-французские отношения и, таким образом, ставила сама себя под знаком вопроса. Предложение экспертов отдает эксплоатацию Германии в руки международного капитала, пытаясь создать солидарный его интерес против германского народа. Один из умнейших консервативных публицистов, редактор „Базельских Известий" Эри, совершенно правильно заметил, что предложение экспертов является мерилом, насколько солидарность капиталистических интересов может быть поставлена на место их конкуренции, как гарантия мира. Мы можем добавить: и как гарантия эксплоатации народных масс международным капиталом. Удастся ли эта попытка,—может показать только будущее. Но уже теперь ясно громадное противоречие, лежащее в основе этой попытки. Предложения экспертов могут быть проведены в жизнь только при условии, что иностранный капитал, в первую очередь английский и американский, потянется к Германии в форме займов, покупки облигаций и т. д. Этот капитал получит прибыль, только развивая германскую промышленность и ее способность конкурировать на мировом рынке. Но интерес руководителей основных отраслей промышленности требует ограничения германской конкуренции. Капиталистически это противоречие

могло бы разрешиться только при очень скором расширении емкости мирового рынка, который позволил бы одновременно расширять английскую, американскую, французскую и германскую промышленность. Но пока-что не видно, откуда могло бы притти такое расширение мирового рынка. Существуют только два громадных новых рынка,— это русский и китайский. Но даже если отвлечься от того, что Советская Россия не намерена сделаться страной производства сырья и рынком сбыта иностранной промышленности, что политические условия Китая не позволяют капиталу проникать свободно туда, что понадобились бы две громадные победоносные для империализма войны для создания политических условий безграничного открытия русского и китайского рынка,—то и экономические условия не благоприятствуют скорому расширению этих рынков для иностранного капитала. И Россия, и Китай—земледельческие страны. Они могли бы скорым темпом расширить свою покупательную силу только при наличии очень долгосрочных и громадных кредитов, которые теперь международному капиталу не по силам. И поэтому доклад экспертов не уничтожает необходимости революционного решения репарационных противоречий, а создает только новые условия для них. Интернационализация эксплоатации Германии вызовет интернационализацию борьбы рабочего класса, ибо сведение германских рабочих к положению китайских кули угрожает английскому, французскому, американскому и международному пролетариату.

Но перед тем, как перейти к этому вопросу, надо спросить себя: примет ли Германия требования экспертов?

VI. Причины германской капитуляции.

К концу октября прошлого года германская буржуазия стала перед полным банкротством. В обороте находилось 93 триллиона марок, но они имели стоимость только 155.000.000 золотых марок. Марка перестала быть средством обмена. Нельзя было на нее покупать. Промышленность продавала и покупала за иностранную золотую валюту, деревня отказывалась давать за бумагу хлеб, всякий, кому было не лень, печатал деньги. 9-го ноября правительство приступило к выпуску так-наз. рентовой марки, стоимостью равной довоенной золотой марке. Доллар стоил 4,20 марки. В продолжение нескольких месяцев, а именно с 15-го ноября до апреля выпущено было 2 миллиарда рентовых марок. До этого около 700.000.000 банкнотов—по тому же самому курсу. Общее количество денег, находящихся в апреле в обращении, равно 3 миллиардам золотых марок. Германия получила не только стабилизированные деньги, но и деньги, равные золотому обращению. Как случилось это чудо, на котором базируется вся пресловутая германская стабилизация? Во время апогея развала германской денежной системы мюнхенский сатирический орган „Симплициссимус" поместил картину, которая представляла немецкого профессора с очками, надвинутыми на лоб, с зонтиком в руках, который глубокомысленно заявлял: „Нашу марку можно спасти только возрождением нашего духа". Ну, и вот, дух возродился. К концу октября германской буржуазии удалось далеко отбросить назад рабочий класс. На этой почве психологического перелома, воссозданной уверенности буржуазии, совершилось денежное чудо: германская буржуазия выпустила ничем не обеспеченные деньги,

заявив, что они имеют стоимость золота, а так как полное расстройство денежной системы вызвало в широчайших массах буржуазии, мелкой буржуазии, а также пролетариата буквально тоску о какой-то социальной передышке, о денежном знаке, который бы завтра еще имел какую-нибудь стоимость, то рентовая марка была принята: она, мы повторяем это, ничем не обеспечена, ибо обеспечение 4%-й ипотекой на всю недвижимую собственность является чистой фикцией. Ее нельзя обменять на золото, за границей ее не принимают, на нее можно только получить так-называемые рентовые бумаги, дающие 5% в год, в то время, когда банки дают за депонированные деньги 20 и больше процентов. Около 3 миллиардов рентовых марок было брошено в оборот, началось мнимое возрождение промышленности, которое вызвало самые радужные настроения у части буржуазии.

В начале апреля рентовая марка начала колебаться, государственный банк был принужден для ее спасения применить самую жестокую кредитную политику, с апреля месяца начинается растущее обострение экономического кризиса. 18-го апреля профессор Хармс поместил в известном экономическом журнале „Виртшафтсдинст" статью, в которой назвал проделанную германским правительством финансовую операцию самой грандиозной инфляцией, которая кончится экономическим крахом. „Разве германский народ разбогател в продолжение последнего года? Разве что-нибудь случилось, что могло бы улучшить основы германского хозяйства? Разве интенсивность труда возросла, и разве ее рост объясняет увеличение консумций?" Он отвечает, что рентовая марка является чистым продуктом литографского искусства. Германский экспорт не увеличился. Дефицит германского торгового баланса в первые полгода 1924 года равен 1.600.000.000 золотых марок; этот дефицит был покрыт тем, что промышленники должны были, в виду отказа в кредитах государственного банка, пустить в ход накопленную за границей и в Германии иностранную валюту. С момента сокращения кредитов государственного банка растет безработица. Сельское хозяйство, потерявшее, благодаря инфляции, значительную часть своих сбережений, поскольку не поме-

стило их в иностранной валюте, принужденное теперь уплачивать подати в рентовой марке, т.-е. в золотой стоимости, очутилось в неслыханно стесненном положении. Рабочий класс, получающий 60—70% своей довоенной заработной платы, страдающий от безработицы, мелкая буржуазия, находящаяся в еще более плохом положении, не в состоянии покупать сельскохозяйственные продукты в довоенных размерах. Достаточно сказать, что потребление мяса упало с 50 клг. в год до 23 клг. Кризис сбыта в сельском хозяйстве создал при дороговизне промышленных изделий и высоте податей тяжелый сельскохозяйственный кризис. Государству удалось в первое полугодие сбалансировать свой бюджет, но это было, в первую очередь, результатом получения от рентового банка за право выпуска рентовой марки 1.200.000.000 рентовых марок, как и целого ряда единовременных податей. Поскольку дело идет о постоянных доходах, бюджет опирается, в первую очередь, на косвенные подати и на обложение пролетариата вообще; это означает невозможность расширения в дальнейшем в значительной мере бюджета, ибо вся политика буржуазии, стремящейся уменьшить заработную плату и удлинить рабочий день, должна сократить дальнейшую способность увеличения обложения рабочих.

Германская буржуазия пришла на основе этого положения к убеждению, что положение могут спасти только иностранные займы. Иностранные займы должны не только спасти рентовую марку, не только помочь уплачивать репарации, но они должны хлынуть широкой волной в промышленность и в банки и помочь таким образом выйти из катастрофического положения. „Кельнская Газета“ обрисовала положение 19-го июля в следующих словах: «Что случится, если Лондонская конференция кончится крахом? Это будет конец первой и пока-что последней попытки Соединенных Штатов помочь Европе своим международным авторитетом и своим капиталом. Германское хозяйство, которое сегодня живет надеждой на иностранную помощь, обанкротится, а с ним — германское государство. Хаос в сердце Европы потрясет весь континент, московские

владыки, которые теперь, считаясь с германским распадом, ведут подпольную пропаганду с большим успехом среди германского народа, попытаются сделать из нашей страны мост для похода мировой революции на Запад; а Франция пойдет, благодаря растущему развалу ее денежной системы, по следам своего соседа". Германский министр финансов, г. Лютер многократно мотивировал абсолютную необходимость принять предложение союзников совершенно безнадежной картиной экономического положения Германии. Проф. Брауэр, который, полемизируя против Хармса, пытался смягчить впечатление, получившееся от его выводов, вынужден был все-таки заявить: „Союзником наших противников является время, которое теперь действует против нас, эксперты знают, что мы не можем ждать".

Да, это знает капитал Антанты; поэтому Лондонская конференция должна была кончиться капитуляцией Германии.

VII. Лондонская конференция.

Это состояние всех определяющих факторов международного положения предрешало неизбежность лондонского компромисса. Вопрос шел только о том, в какой мере Франция подчинится властному голосу своего положения, в какой мере Германия попытается дать отпор стремлениям Франции ухудшить предложения экспертов.

Лондонская конференция дала картину столь ясную, столь выразительную, как ни одна из конференций мировой дипломатии. Она показала в истинном свете, кто является настоящим победителем в войне, она показала миру с полной ясностью, что если рабочий класс не в состоянии взять власть, установить свою диктатуру, что его место занимает победоносный американский и английский капитал, ибо нет места для демократии в условиях, созданных войною, и нет места в них равноправным отношениям наций.

Все заинтересованные державы уже перед Лондонской конференцией признали доклад экспертов, но еще до конференции всякая из них пыталась этот договор изменить в свою пользу, в первую очередь, в области политических предпосылок применения доклада экспертов. Эксперты не выдвигали открыто вопроса об этих условиях, так же, как не говорили, что проведение в жизнь их доклада требует устранения восьмичасового рабочего дня в Германии, полнейшего подавления рабочего движения, так же они избегали потребовать открыто очищения Рурской области французами; они довольствовались требованием освобождения Германии от всякого рода постороннего вмешательства

в экономическую жизнь, не предвиденного в их плане; требованием создания единой хозяйственной территории они требовали открыто только устранения экономического хозяйничания французов в Рурском бассейне, устранения таможенной линии между Руром и Германией, устранения навязанного германской промышленности договора с французской комиссией инженеров, устранения взимания французами в Рурском бассейне налогов и т. д. Но на деле это требование подразумевает полное очищение Рурской области, ибо армия не живет в воздухе и, находясь на столь плотно населенной территории, как рурская, она не в состоянии не вмешиваться в экономическую жизнь этой территории. Армия нуждается в сохранении линий сообщения, что предполагает контроль трех линий, а именно: Саарбрюкен—Майнц, Кельн—Льеж и Кобленц—Трир.

По этому вопросу Франция дала отчаянный бой. Она защищала и теперешнюю оккупацию Рурского бассейна, и право на оккупацию в будущем. Что касается будущего, то перед конференцией Макдональд пошел на компромисс, полетев специально для этой цели в Париж. Эррио, понятно, демократ и пацифист, но Комите де Форж, но французские банки держат в своих руках всю французскую прессу. Демократические органы, как „Эвр“ „Котидиен“ имеют очень хорошие демократические принципы, но не имеют денег, поэтому не имеют корреспондентов, телеграмм и поэтому имеют очень маленький тираж, бульварная же пресса в руках капитала, в руках империалистов. Господин Эррио—пацифист и демократ, но цыпленок тоже, хочет жить, и никакой не будет пользы от того, если господин Эррио вернется со своей демократией в девичье состояние парламентской оппозиции. Господин Макдональд еще более решительный демократ и еще более решительный пацифист, чем Эррио, он имеет марку II Интернационала, марку, одинаково хорошую в войне, как паспорт защитника отечества, и одинаково хорошую, как пропуск для пацифиста самой лучшей породы. Но если полетит вверх тормашками правительство левого блока, то от этого умиротворение Европы не выиграет, а, наоборот, будет отброшено назад. Мало того: если господину Макдональду не удастся спасти своего миролюбивого друга, господина

Эррио, то и сам господин Макдональд очутится в беде и полетит вверх тормашками. Поэтому, дабы не победил злой Пуанкаре,—да здравствует политика Пуанкаре!

Господин Макдональд, который только-что в телеграмме, разосланной английским послам, заявил, что английское правительство требует устранения права репарационной комиссии решать вопрос о вине Германии и что оно не признает права Франции на самостоятельные карательные меры по отношению к Германии, в Париже признал за репарационной комиссией право суждения о том, выполняет ли Германия договор. Франция, со своей стороны, в качестве уступки согласилась на приглашение для решения этих вопросов в репарационную комиссию американского представителя, не определяя, в качестве кого, с какими правами он там будет находиться. Это была полная капитуляция перед Францией, ибо репарационная комиссия является полностью органом Франции. При составе репарационной комиссии из одного англичанина, одного итальянца, одного бельгийца и француза и при французском председательстве, положение в комиссии складывалось всегда так, что бельгийский представитель голосовал совместно с Францией, а французский председатель в случае равного количества голосов решал в пользу Франции. Господин Бредбери—английский представитель контрольной комиссии начал играть настолько смешную роль, что это толкнуло этого серьезного старика на очень легкомысленный образ жизни в Париже, который его сделал предметом насмешек.

Но эту сделку, с которой на конференцию явились и господин Эррио, и господин Макдональд опрокинули английские и американские банкиры. Лучше будет рассказать это происшествие на Лондонской конференции словами так мало предубежденного против финансового капитала человека, так хорошо знающего закулисную историю дипломатии последних лет, каким является старый „демократ и пацифист“ Ллойд-Джордж, который в прекрасной статье в „Дейли Кроникл“, заслуживающей полного распространения со стороны всех друзей коммунизма, описывает драматическую сцену диктовки условий английской и французской дипломатии представителями английских и американских банкиров:

„Но этот компромисс, представляя собою мост, достаточно сильный, чтобы по нему могли пройти министерства, миновав министерские кризисы, не был достаточно прочен для транспорта массивных слитков золота из погребов Уолл-Стрит и лондонской биржи. Господин Монтагю Норман (директор Английского банка) высказал свое мнение в помещении английского казначейства очень вежливо, но энергично. Джон-Пирпонт Морган по радио поднял свой голос с парохода так громко, что его было слышно сквозь гул морских волн. Без исполнения условий, поставленных банкирами,—заявили они,—нет займа. Но заем является стержнем доклада Дауэса. Если отнять заем, то исчезает доклад. Это был ультиматум банкиров, и они от него не отступили, несмотря на все попытки их уговорить; решительность банкиров вызвала переполох на Лондонской конференции. Британское казначейство стало в лице своего непреклонного канцлера (т.-е. вождя II Интернационала г. Филиппа Сноудена) выразителем требований банкиров. Договор, заключенный между Эррио и Макдональдом, сделался вещью столь же опасной, как и незначительной, не имеющей никакого отношения к существу вопроса и служащей только политическим целям. После четырех недель торга и оттяжек американские и британские банкиры добились своего".

То, чего не могла добиться пацифистская французская демократия плюс представители французской социал-демократии, со златоустом Леоном Блюмом во главе, то, чего не могла добиться английская рабочая партия, находясь у власти,—этого добились банкиры, заявив твердо: или вы примете наши условия, или мы денег не даем.

Решением Лондонской конференции признается за Францией право самостоятельных действий, но обстоятельства, в которых допускается эта свобода действий, решение обвинить Германию в неисполнении договора,—решение это принимает репарационная комиссия с участием американского представителя, имеющего равные права с другими членами

комиссии. Таким образом, Франция теряла в этой комиссии большинство. Всякому участнику репарационной комиссии предоставляется еще право апеллировать к суду. Этот суд назначается из трех представителей нейтральных стран, с американцем во главе. В случае, если репарационная комиссия не сойдется в выборе судей, то выбор их определяется председателем международного суда в Гааге, столице Голландии, находящейся, наверное, в большей зависимости от Америки и от Англии, чем от Франции.

Таким образом, в вопросе о будущем Франция потерпела решительное поражение, но ей удалось спасти все-таки право сохранения военной оккупации Рурского бассейна в продолжение года. Что означает это право? Для одних это только жест, это только мост, по которому господину Эррио будет легче повести своих националистов на поклон к английским и американским банкирам. Раз Франция обязана экономически эвакуировать Рур, перестать взимать налоги, пошлины в Руре, раз она теряет право хозяйничанья в шахтах и рудниках Рура, то этим, они, французские войска в Руре, исполняют только роль почетной стражи у гроба, в котором находится труп политики Пуанкаре. Другие говорят, что, разрешив Франции оставить свои войска в Руре, союзники на деле свели на-нет весь доклад экспертов. Правда лежит в середине обеих этих крайностей. Дальнейшее пребывание французских войск в Руре есть выражение недоверия Франции в возможности проведения в жизнь доклада экспертов.

Парижский корреспондент „Манчестер Гардиан" Гамильтон, один из самых умных наблюдателей французской политики, совершенно прав, когда он пишет, что французские империалисты убеждены в провале лондонского компромисса, они считают, что план Дауэса носит в себе элементы неудачи, и они спекулируют на том что в самой Англии растет оппозиция против репараций вообще и плана экспертов в частности, они спекулируют, наконец, на том, что в Германии начнется скоро саботаж решений Лондонской конференции. Тогда французские войска в Руре будут не остатком политики Пуанкаре, а началом новой французской политики захвата

и порабощения Германии. Руководящие элементы тяжелой промышленности во Франции и французская военщина подчиняются демократическому пацифистскому поветрию, но остаются с оружием в руках, готовые завтра перейти в новое наступление.

Но, защищая дальнейшую оккупацию Рура, господин Эррио действовал не только под давлением этих соображений французского империализма и французской военной партии. Господин Эррио—пацифист и демократ, но сколько раз злой империализм насиловал демократию и пацифизм? Господа демократы привыкли смотреть на себя, как на калифов на час. Если не удастся получить пацифистским путем германских платежей, то господин Эррио не откажется получить их путем насилия. Мало того: Эррио пытался во время лондонских переговоров добиться ряда уступок от Англии и от Америки. Он пытался добиться конкретных обещаний в вопросе о задолженности Франции, но американцы не хотели об этом вопросе даже говорить, заявляя, что они связаны решением сената и до новых выборов им нельзя вдаваться ни в какие разговоры на эту тему, а Макдональд отговорился готовностью в будущем обсудить вопрос, не принимая пока-что никаких обязательств. Держа войска в Руре, Франция считает, что имеет средство давления на Англию: не сделаешь уступки в вопросе о долгах, войск из Рура не уведем.

Ту же самую роль должен играть захват Рура в вопросе о гарантиях безопасности Франции. Как известно, генерал Фош добивался в Версале левого берега Рейна в качестве этих гарантий. Америка и Англия отказались итти на это, обещая взамен договор, гарантирующий Франции помощь обеих стран на случай немецкой войны-реванша, но американский сенат послал к чорту Версальский договор вместе со всякими гарантиями, а Англия отказалась односторонне принимать по договору гарантии. Франция добивается нового договора.

По отношению к Германии Франция надеется использовать оккупацию Рура для того, чтобы навязать ей в 1925 году односторонний торговый договор с наибольшим благоприятствованием, а кроме того, добиться права беспошлинного ввоза текстильных изделий Эльзаса, ввоза на специально выгодных условиях вин и т. д., и т. д. Таким образом, про-

должение на год оккупации Рура, которое противоречит не только Версальскому договору, но даже той мотивировке, с которой Франция вошла в Рур, — как известно, она утверждала, что занимает Рур войсками только для охраны работы английских инженеров в Руре, которые теперь, ведь, оттуда исчезают,—представляет собою важное средство предосторожности Франции на случай банкротства лондонского компромисса, но не уничтожение самого этого компромисса.

С экономической точки зрения Франции удалось добиться целого ряда улучшений условий, предложенных экспертами. Во-первых, Франция добилась того, что она в дальнейшем будет иметь право поставок натурой из Германии из средств так-называемой комиссии трансфера, т. е. комиссии перевода немецких репарационных платежей из марки в иностранную валюту. Эти поставки натурой кончались в ближайшие годы. Германия обязана теперь их продолжить на неограниченное время. В числе поставляемых товаров находятся кокс, предметы химического производства. Германское правительство обязуется поощрять сделки на счет этого вывоза. В случае отказа германских промышленников поставлять эти товары германское правительство принимает на себя обязательство поставки. Если германское правительство не сойдется с Францией насчет размера этих поставок и цен, вопрос решает специальный международный суд. Это есть крупное завоевание Франции, увеличивающее иностранное хозяйничанье в Германии, и одновременно это есть средство, при помощи которого та сравнительная выгода для Германии, которую предвидело решение комиссии экспертов о переводе платежей из германской марки в иностранную валюту, сводится на-нет; это решение предвидело, что если в руках комиссии переводов собирается 5 миллиардов марок, и условия мирового денежного и вексельного рынка не позволяют перевода этих репарационных сумм в карман союзников, то германские обязательства должны быть понижены. Делая закупки в натуре в Германии, Франция имеет средство не допустить собрания суммы до уровня 5 миллиардов, требующей пересмотра германского обязательства. Мало того: безэквивалентный вывоз товаров будет иметь те же

самые плачевные последствия для германского хозяйства, что и вывоз репараций деньгами,— он будет давить на торговый баланс Германии и на положение ее денежного обращения.

Другой пункт, ухудшающий условия экспертов, состоит в том, что комиссия переводов получает право закупки промышленных акций в Германии, даже в тех областях промышленности, в которые германское правительство не хочет пускать иностранный капитал. В этом случае вопрос решает снова международный суд, который, понятно, будет больше считаться с интересами иностранного капитала, чем с интересами Германии.

Германия приняла без дискуссий доклад экспертов, заявив только, что требует немедленного очищения Рурского района. Когда германские представители явились в Лондон, доклад экспертов был значительно ухудшен, но и его пришлось принять. Мало того: Германия приняла лондонский компромисс, несмотря на то, что французская оккупация продолжается на год. Когда германские представители пытались угрожать срывом конференции, намекая на необходимость поездки в Берлин, пацифист и демократ Макдональд заявил немецкому рейхсканцлеру, что ему никто не мешает ехать в Берлин, но пусть он знает, что когда он вернется в Лондон, он не найдет Макдональда. Американский ангел-хранитель также пожал плечами и указал Германии: раз она так долго страдает от французской оккупации, то может еще пострадать год.

Это все вместе называлось переговорами равных с равными.

Что означает в общем лондонский компромисс? Он означает в общем победу английского и американского финансового капитала и над Германией, и над Францией, с той разницей, что Германия выдана с головой, в то время как Франция, опираясь еще на свою военную силу, которую может предоставить в будущем американскому капиталу против Англии, сумела отвоевать себе известное обеспечение на тот случай, если английский и американский капитал не

сумеет справиться с германским хаосом, и отвоевать себе некоторые куски со стола английской и американской биржи.

Это есть результат Лондонской конференции с точки зрения междугосударственных отношений. С точки зрения же междуклассовой, наилучшим образом этот результат определяет орган Херста „Американ", говоря: „Не выбранные народом представители руководят миром, а банкиры, которые распоряжаются деньгами других людей". Жрецы банковского капитала сами испугались этой яркой картины. Господин Морган поспешил заявить через свою агентуру, что банкиры ограничивались только экспертизой условий, на которых денежный рынок примет заем.

„Союзные правительства,—говорит Морган,—затребовали от нас разъяснения, какие условия должны быть выполнены для размещения немецкого займа в Америке. Мы не имели никакого желания,—и это вообще не наше дело,—делать какие бы то ни было политические заявления, еще меньше мы пытались навязывать наши политические взгляды. Мы ограничились предложением вопросов, и дело союзных правительств было определить, считают ли они предложенные нами условия приемлемыми, или нет. Не приходится говорить о том, что мы, банкиры, не могли требовать от американского покупателя, чтобы он покупал немецкий заем, пока союзники в срок, который они сочтут необходимым, путем, который они сами выберут, по причинам, зависящим только от их политики, не создадут условий безопасности для покупателей займа".

Скромничает американский миллиардер, рассчитывая на очень короткую память читателя. Господин Морган был финансовым уполномоченным английского правительства в Соед. Штатах Америки во время войны. И когда ему представлялось удобным, когда он мог на этом заработать сотни миллионов, он обманывал американских покупателей займов, и сотни миллионов союзных займов были размещены при его помощи на американском рынке; проценты от большинства союзных займов, помещенных в Америке, уплачивают не эти страны, а американское казначейство за счет амери-

канских плательщиков налогов. Если теперь Морган ставил условия союзникам, которые равнялись ультиматуму, то он делал это не из забот о покупателях займов, а потому, что теперь дело идет не о сотнях миллионов прибыли, а о порабщении всей Центральной Европы. Чем более строги условия займа, тем более безусловным будет подчинение Центральной Европы воле американских и английских банкиров, тем крупнее в будущем барыши. Вот почему господин Морган вдруг начал защищать карманы мелкой буржуазии Америки, с которой тащит деньги на заем. Вот почему он выступает с невинной миной защитника безопасности сбережений капиталистической мелкоты.

Циничное обнажение диктатуры финансового капитала опасно и для господ из II Интернационала. Поддерживая во время войны свой отечественный капитализм, вожди II Интернационала прикрывались лозунгом защиты отечества. Помогая после войны душить рабочую революцию, все эти Носке, Вельсы прикрывались тем, что демократическим путем рабочий класс придет к власти и к социализму медленно, но верно, в то время, когда путь пролетарской диктатуры— это путь скорый, но ведущий к гибели. Чем же они могут объяснить народным массам то, что помогают создать диктатуру мирового финансового капитала, самую беспощадную диктатуру, какую только знал мир. Попытки оправдать эту диктатуру тем, что она даст хлеб, вздорны, ибо всякий рабочий почувствует скоро, что эта диктатура отнимает у него хлеб. Говорить рабочим, что эта диктатура даст мир, трудно; они видели, как финансовый капитал создал мировую войну; они видят бешеный рост вооружений, подгоняемый тем же самым финансовым капиталом и который должен снова привести к мировой войне. Поэтому не остается ничего другого, как отрицать существование диктатуры английского и американского финансового капитала. Господин Филипп Сноуден, член II Интернационала и министр финансов Англии, поспешил заявить в своем интервью в „Манчестер Гардиан“:

„Я читал во французской печати много горьких и иронических рассуждений о влиянии международных финансов на Лондонскую конференцию. Я видел карикатуры на

себя, как на орудие международных банков. Я считаю своей обязанностью заявить, что международные финансисты никогда не пытались влиять на решения конференции, поскольку дело касалось политических вопросов. Они ограничивались только ответом на поставленные вопросы об условиях, при которых можно ожидать от публики подписки на германский заем". Господин Сноуден выступает, как свидетель господина Моргана, а Морган—как свидетель господина Сноудена. „Вызвал цыган своих ребят в свидетели",— говорит польская пословица. Кто не поверит господину Сноудену, вождю II Интернационала, когда его поддерживает Морган, американский миллиардер, и кто не поверит жрецу американских банков, когда его поддерживает жрец международной социал-демократии? Но когда люди молчат или врут,—говорят камни.

„Кто отвечает за этот триумф дипломатии в Лондоне? Я не сомневаюсь, что господин Макдональд был умным и гибким, что господин Сноуден брал быка за рога, что господин Теунис умел всегда находить выход, что господин Келлог был умен и полон идей, что господин Эррио проявил много моральной отваги. Но одна вещь господствует над всем. Лондонский договор не был бы никогда заключен, если бы не энергичное и брутальное вмешательство международного финансового мира. Протокол, который был подписан союзниками и Германией, является триумфом международных банкиров. Они отбросили в сторону государственных мужей, политиков, юристов, журналистов, они ставили свои требования, как абсолютные монархи, знающие, что против их декретов нет апелляции. Лондонский договор является указом объединенного короля доллара и фунта стерлингов. Доклад комиссии Дауэса был их делом, они этот доклад инспирировали и оформили".

Так говорили Ллойд-Джордж, и мы запишем это для международного пролетариата!

VIII. Внешнеполитические перспективы лондонского соглашения.

Как и надо было ожидать, после французского парламента и немецкий рейхстаг ратифицировал лондонское соглашение, принимая большинством $^2/_3$ голосов вытекающие из него законы. На бумаге, таким образом, соглашение осуществлено, и мир и благодать могут начаться в Европе. Будет ли это соглашение проведено в жизнь на деле,—это зависит от стольких обстоятельств, что нельзя сказать об его осуществлении ничего определенного.

Первым условием осуществления лондонского соглашения является ряд займов для Германии в общей сумме 17 миллиардов золотых марок, которые должны в продолжение ближайших лет быть мобилизованы не мировом рынке. Удастся ли их мобилизовать,—неизвестно, ибо это будет зависеть в первую очередь от хозяйственного состояния Соед. Штатов. Деньги, накопленные в подвалах американского правительства, само собою понятно, не будут употребляемы для этой цели. Речь может итти только о том, даст ли частный капиталист банкам, финансирующим германские займы, деньги, купит ли он эти займы. Английский денежный рынок не сумеет, наверное, принять половины германских займов, ибо он в значительной мере занят финансированием английских колониальных предприятий.

Но самый важный вопрос, когда дело идет о перспективах лондонского соглашения, — это вопрос, сможет ли Германия выполнить условия, подписанные ею в Лондоне. Союзные эксперты, высказываясь о платежеспособности Германии, упустили из виду целый ряд моментов. Германия потеряла благодаря исходу войны 13 проц.

своей территории, 10 проц. населения, 30 проц. производства угля, 74 проц. производства железной руды, 68 проц. производства цинка, около 16 проц. производства хлеба, 18 проц. производства картофеля, 89 проц. своего торгового флота. Этого всего не берут в расчет эксперты. Она потеряла из 20 миллиардов помещенного за границей капитала 14. Если эксперты указывают, что она освободилась от внутренних долгов благодаря обесценению марки, то они забывают при этом, что она не только освободилась от обязательства уплаты процентов по внутреннему займу, но что широчайшие слои буржуазии одновременно освободились от денег, доверенных ими германскому государству. Самый основной вопрос при оценке платежеспособности Германии—это вопрос ее торгового баланса. Если принять во внимание самые главные факты, то вопрос этот состоит из следующих моментов. Германский торговый баланс был за последние 20 лет перед войной пассивным. Эта пассивность равнялась в четырех пятилетиях 987, 1.073, 1.472.000 и 1.480.000. Каким образом покрывала Германия этот пассивный баланс? Она имела из своих помещенных за границей капиталов перед войной доход в один миллиард в год. Она имела перед войной 600 миллионов марок дохода от заграничных банковских операций. Эти доходы отчасти совсем исчезли, отчасти значительно уменьшились. Торговый баланс Германии за время 1919—22 гг. дает 11 миллиардов дефицита, только на миллиард уменьшенного приходом заново построенного торгового флота и от приезда иностранцев в Германию.

Американский профессор Мультон в своей книге о способности Германии к уплате репараций,—книге, являющейся лучшим из сочинений, посвященных репарационному вопросу,—приходит после очень конкретных и очень трезвых исчислений к выводу, что для того, чтобы содержать промышленное население Германии на уровне, позволяющем ему работать, снабжать германские фабрики самым необходимым сырьем, Германия нуждается после всех потерь в привозе в 14 миллиардов золотых марок, в то время когда ее привоз в 1922 году равен был только 6,2 миллиарда золотых марок. Это определяет необходимость вывоза в 14 миллиардов золотых марок, даже не считая никаких репарацион-

ных платежей. Теперешний вывоз в лучшем случае равен только половине названной суммы. Условия для немецкого вывоза в послевоенное время значительно ухудшились. Таможенный тариф Америки и Японии, таможенная политика Франции, новосозданных центральных и южно-европейских государств затруднили доступ германских товаров. Платежеспособность русского рынка без крупных долгосрочных кредитов очень уменьшилась; вся мировая торговля сократилась. Каким образом германский вывоз может в ближайший год подняться до размеров, требуемых для того, чтобы Германия прокормилась, чтобы уплачивали проценты от займов, чтобы косвенные налоги были в состоянии давать 1.250 миллионов золотых марок только на репарационные платежи? Это все вопросы, решения которых не видно. По всей вероятности или союзники будут принуждены в будущем отказаться от значительной доли германских платежей, или, если Франция на это не пойдет, тогда придется ей вернуться заново к авантюристской политике новых карательных экспедиций.

Франция же может итти на дальнейшие сокращения германских платежей только при условии отказа Англии и Америки от 35 миллиардов золотых франков французского долга по отношению к этим странам. Пойдет ли Англия на это, на такие жертвы? Обе эти страны имеют очень мало шансов выдавить из Франции эту сумму. На этот счет у них нет никаких сомнений, но отказаться от этой суммы означало бы потерять громадные средства политического давления на Францию. Этим средством Англия хочет воспользоваться для того, чтобы принудить Францию к сокращению своего вооружения, т.-е. к отказу от военной гегемонии на европейском континенте. Америка не имеет еще ясно проявленных целей, во имя которых она бы давила на Францию. Но цели такие существуют, если принять, что руководители американской политики, как бы они ни любезничали с Англией, видят в ней своего мирового конкурента. Если дело так обстоит,—а оно наверно так обстоит,—то задача Америки будет состоять в том, чтобы путем финансового нажима на Франиию сделать ее своим орудием в европейской политике. Вкладывая громадные суммы в европейским континент, С. Штаты Америки находятся чересчур

далеко от Европы. Им нужна вблизи рука для давления на Германию, быть-может, на Союз Советских Республик. Одновременно они захотят использовать Францию для давления на Англию; в случае обострения англо-американских отношений дело будет итти об использовании французских гаваней, расположенных во всем мире, для американского флота. Вопрос о союзных долгах коренным образом связан с вопросом о проведении в жизнь лондонского соглашения. Тут существует узел, попытки распутать который в ближайшее время явятся источником новых острейших трений и конфликтов в лагере союзников.

Одновременно будет итти борьба за новые торговые договоры, которые в 1925 году Германия получает право заключить, как и борьба за экономическое преобладание Германии. Эррио пытался, как известно, получить во время лондонских переговоров от Германии право на беспошлинный ввоз текстильных изделий из Эльзас-Лотаринги. Это требование, не удовлетворенное в Лондоне, будет предметом борьбы в ближайшем году. Что тут дело идет не о мелочи для Англии,—показывают следующие цифры. В 1920 г. Германия ввезла беспошлинно 6.505 тонн текстильных изделий из Эльзас-Лотарингии и только 1.090 тонн из Англии, за которые была уплачена пошлина. Эльзас-лотарингская текстильная промышленность привозит текстильные полуфабрикаты из Англии и, переработав их, ввозит беспошлинно в Германию, создавая, таким образом, конкуренцию для английской промышленности. Первое, что последовало после лондонского договора, это было решительное выступление английского министра финансов Сноудена против опасности, угрожающей Манчестеру на случай продолжения таких привилегий для Франции. Но Франция добивается не только этого преимущества. Она добивается сделки между своей тяжелой промышленностью и германской, в чем английские капиталистические круги видят громадную опасность для себя.

Таким образом, ближайшие перспективы проведения в жизнь лондонского договора сулят не мир, а целый ряд новых конфликтов между Англией и Францией, с одной стороны, Францией и Германией—с дру-

гой. Но мало того: лондонское соглашение создаст новые противоречия между странами, вывозящими капитал в Германию и заинтересованными поэтому в увеличении германского вывоза, и странами, которые будут бояться этого увеличения. Раздел между интересами финансового капитала и тяжелой промышленности, который пойдет через все страны, найдет свое олицетворение в первую очередь в обострении англо-американских отношений.

Несколько слов еще о последствиях лондонского соглашения для положения на востоке Европы и в Азии. В новой, только-что на днях появившейся в Нью-Йорке книге, посвященной плану экспертов, из которой некоторые главы перепечатаны с рукописи из издаваемой Кучинским „Германско-французской хозяйственной корреспонденции", названный уже американский профессор Мультон обращает внимание на тот факт, что главным направлением, в котором Германия попытается развернуть свой вывоз товаров, явится Россия и вообще Восток. Заинтересованные форсированием этого вывоза капиталистические державы или капиталистические группы будут пытаться организовать новый нажим на Советскую Россию для создания условий, срывающих монополию внешней торговли и воссоздание русской промышленности. Тов. Каменев был вполне прав, указывая в своем докладе перед московскими ответственными партийными работниками, что надо ожидать такого нажима.

Таким образом, лондонский договор явится исходной точкой для новой борьбы между капиталистическими державами и нового их нажима на Союз Советских Республик. Берлин будет в еще большой мере, чем до этого времени, центром империалистической борьбы. Точно так же, как существование в Турции Детт Публик Оттоман (банка, собирающего подати для уплаты процентов иностранному капиталу), инструмента для совместного ограбления Турции, не ослабляло перед войной бешеной борьбы разных капиталистических групп за Турцию, такое же создание инструмента для совместного ограбления Германии не устранит особой борьбы всякой капиталистической державы за самый большой кусок германского

пирога. Даже если лондонское соглашение будет проведено в жизнь, оно явится не источником мира, а источником империалистской борьбы. Но, как мы уже говорили, нельзя утверждать, что проведение в жизнь лондонского соглашения обеспечено. Возможны срыв лондонского соглашения и непосредственное новое обострение революционного кризиса в Средней Европе. Во всяком случае, лондонское соглашение породит, кроме империалистских конфликтов, новые конфликты классов, ибо оно означает наложение громадных тягот на рабочий класс и мелкую буржуазию Германии, и оно угрожает уровню жизни, завоеванному рабочими массами стран Антанты.

IX. Второй Интернационал и лондонское соглашение.

Отцами лондонского соглашения, которое создало в сердце Европы из старейшего промышленного европейского народа новую Турцию, отцами соглашения, которое делает из германских рабочих китайских кули, работающих на мировой финансовый капитал, являются вожди II Интернационала. Председателем Лондонской конференции был господин Рамзей Макдональд, вождь английской рабочей партии. За спиной Эррио стоит социалистическая партия Франции, без которой он не может удержаться у власти. Главной силой Германии, выступающий от имени рабочих масс за принятие лондонского соглашения, является германская социал-демократия. II Интернационал, борясь за лондонское соглашение и защищая его, завершил только свою послевоенную эволюцию.

В брошюре товарища Ледера собраны все документы, указывающие, как вожди II Интернационала за все время после войны являлись главными борцами за репарации. Нельзя отказать этой политике в последовательности. Раз II Интернационал исходит из положения, что победа пролетариата невозможна, что только международная буржуазия в состоянии воссоздать разрушенную Европу, то из этого следует с убийственной логикой необходимость помочь буржуазии в этом деле воссоздания Европы, ибо если нельзя итти вперед по пути пролетарской революции и нельзя оставаться жить на руинах Европы, то другого выхода, кроме поддержки буржуазии, какими бы средствами она ни пыталась стабилизировать европейский капитализм, нет. Но это проведение исходной точки зрения II Интернационала должно было привести к полному предательству с его стороны не только

окончательных целей рабочего класса, не только социалистической революции и социализма, но даже тех целей, во имя которых II Интернационал сражался и сражается против Коминтерна. II Интернационал защищает против Коминтерна идею демократии. Буржуазная демократия—вот ближайшая цель II Интернационала, цель, которую он противопоставляет борьбе за диктатуру пролетариата. II Интернационал помогал в целом ряде стран (достаточно назвать только Германию, Венгрию, Болгарию и Италию) создавать фашистские и полуфашистские правительства, ибо, борясь против революционного авангарда рабочих, он должен был помочь и помогал представителям финансового капитала, представителям феодальной контр-революции в восстановлении их режима.

Теперь в Лондоне II Интернационал завершил в мировом масштабе эту свою эволюцию от демократии к помощи установлению диктатуры финансового капитала. Что II Интернационал выступает в качестве агента американских и английских банков, вместо того, чтобы служить каждой части II Интернационала особому своему национальному богу—банкам и финансовому капиталу своей страны,—это есть только простой результат того факта, что американский и английский финансовый капитал подчинил себе важнейших национальных богов. II Интернационал, как агент Моргана и Нормана, агент Уолл-стрит и лондонского Сити,—вот завершение демократического социализма, противопоставляющегося революционному коммунизму. В этом позорном завершении находит свое выражение тот объективный факт, что для Европы и для мира в период социальной революции нет другого выхода, кроме диктатуры пролетариата или диктатуры финансового капитала Англии и Америки.

II Интернационал защищает эту свою политику утверждением, что эта диктатура финансового капитала обозначает победу мира, победу пацифизма. Это говорят те же самые люди, которые в ряде книг, в десятках брошюр, в сотнях статей доказывали, что империализм, империалистическая война является результатом господства финансового капитала. Это говорят вожди II Интернационала после мировой войны, вызванной финансовым капиталом! Это, говорят люди

которые знают все проделки банков, финансового капитала, тяжелой промышленности и их связь с политикой вооружений, которые не могут не знать, что господство финансового капитала должно неминуемо вызвать целый ряд новых войн. Сегодня английские и американские банки идут друг с другом в борьбу против самостоятельной политики французского империализма, но одновременно во всех странах мира идет и борьба между собою за самостоятельный грабеж, за увеличение доли грабежа. В момент, когда эта борьба обострится, в момент, когда эта борьба приведет к вооруженным конфликтам, международный финансовый капитал будет опираться на тот факт, что II Интернационал привел массы к подчинению его интересам, что он научил их видеть во владыках банковых миротворителей. II Интернационал уже теперь помогает мировым банкам создать положение, в котором новое 4-е августа явится неминуемым последствием реформистской политики.

Но самым ярким доказательством предательства самых простых насущных интересов рабочего класса вождями II Интернационала является тот факт, что так-называемая пацифистская диктатура финансового капитала базируется на полном порабощении рабочего класса. В истории так-называемого буржуазного пацифизма можно различать два периода. Перед войной он представлял собою идеологию демократической социал-рефомистской мелкой буржуазии. Идея международного мира, созданная буржуазными пацифистами, была связана с идеей медленного, но постоянного улучшения положения рабочего класса, уменьшение вооружений должно было итти в пользу увеличения социальных реформ. Эта связь пацифизма с социальной реформой пленила Жореса, самого великого вождя международного реформизма.

Пацифизм Норманов и Морганов является не только политикой капиталистической передышки на-время, пока не будут покончены вооружения, пока не будут заключены все необходимые империалистические договоры, пока не будут мобилизованы для новой войны народные массы; пацифизм Морганов и Норманов вперед, с самого начала, базируется на политике полного порабощения рабочего класса, бази-

руется на политике восстановлениия капитализма за счет рабочего класса. Вся международная буржуазия открыто и ясно заявляет, что доклад экспертов и решения Лондонской конференции останутся на бумаге, если германская буржуазия не принудит германский рабочий класс отказаться от 8-часового рабочего дня, если она, понижая заработную плату рабочего класса далеко ниже предвоенного уровня, одновременно не попытается поднять интенсивность его труда высоко над предвоенным уровнем. Добиваясь уничтожения всех социальных завоеваний германского рабочего класса, международная буржуазия, в лице господина Пинно из Комите де Форж, требует одновременно уничтожения восьмичасового рабочего дня во Франции, ссылаясь на то, что международному и германскому рынку, главному конкуренту, опирающемуся на дешовый труд и на увеличивающуюся эксплоатацию, надо противопоставить увеличение трудоспособности французского рабочего класса. Крик господина Пинно подхватывает „Морнинг Пост“ и другие органы английской промышленной буржуазии, подхватывает печать американских предпринимателей. Господа Макдональд, Блюм, помогая набросить петлю на шею германского пролетариата, одновременно набрасывают ее и на шею пролетариата Франции, Англии, Италии и Америки. Отказываясь от демократии, выступая в качестве борцов банковского пацифизма, они одновременно хоронят идею социальных реформ, делаются открытыми представителями интересов тяжелой промышленности против рабочего класса.

Лондонская „Лэбур Ревью“ вполне права, когда она пишет: „Разве английская рабочая партия невидит, какую неслыханную силу она отдает в руки международного финансового синдиката, который получает таким образом возможность господствовать над экономической жизнью Европы. При помощи манипуляций с немецким железнодорожным тарифом этот синдикат может бросать громадные массы дешовых товаров в Англию, он может создать конкуренцию для промышленных изделий Англии и принудить рабочих нашей страны довольствоваться равной заработной платой и равными условиями жизни, к которым будет при-

говорен германский пролетариат. Когда германские железные дороги будут отняты у государства и отданы в руки международного треста, когда удастся еще более понизить уровень жизни немецких рабочих, тогда неминуемо будет создана громадная опасность для положения английского рабочего класса".

Рабочий класс Германии, Франции и Англии в значительной своей части еще не видит грозящей ему опасности. Он видит пока-что в лондонском договоре уменьшение опасности авантюристской политики Пуанкаре, он видит займы, которые должны помочь Германии выбраться из трясины, но не видит еще пока того, что последует,—что не минует много времени, как последствия ухудшения положения рабочего класса, в первую очередь, в Германии, проявятся в грандиозных забастовках, не минует много времени, и на спине английского, французского, итальянского, американского рабочего класса отзовутся последствия ухудшения положения германских рабочих.

II Интернационал, несущий полную ответственность за лондонское соглашение, II Интернационал—чемпион господства лондонской и нью-йоркской биржи, будет нести полную ответственность за политику этих бирж. II Интернационал наживает в данный момент известный капитал на усталости рабочих масс, на их иллюзиях, что, может-быть, владыки английской лондонской биржи дадут ему хлеба, но с математической точностью можно предсказать, что недалеко время, когда задержанный в данный момент процесс распада II Интернационала пойдет вперед ускоренным темпом, благодаря предательской политике, которую он теперь ведет.

В Европе предстоит новая волна рабочего движения; оно не будет сразу биться на последних баррикадах, не будет сразу ставить себе целью завоевание власти; содержанием этой новой волны рабочего движения, которую породит лондонское соглашение, будет защита самых примитивных интересов рабочего класса—восьмичасового рабочего дня, заработной платы, позволяющей, если не жить по-человечески, то хотя бы не погибать по-собачьи. Но в этой борьбе народится новая волна пролетарской революции, которая затопит предательский II Интернационал.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стран.
Предисловие	3— 5
I. Исход борьбы за Рур	7—12
II. Падение франка	13—19
III. Политика рабочего правительства Англии	20—25
IV. Возвращение Америки в Европу	26—34
V. Предложение экспертов	35—42
VI. Причины германской капитуляции	43—46
VII. Лондонская конференция	47—57
VIII. Внешнеполитические перспективы лондонского соглашения	58—63
IX. Второй Интернационал и лондонское соглашение	64—68

Издательство „КРАСНАЯ НОВЬ“

ГПП. Москва, Воздвиженка, 9.

Сочинения К. РАДЕКА

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

О Ленине . . . . . 20 к.

5 лет Коминтерна. Часть I. Основы программы и тактики Коминтерна . . . . . 1 р. 50 к.

5 лет Коминтерна. Часть II. Тактика единого фронта . . . . . 2 р. 25 к.

Октябрьская революция и ее место в истории. (Разошлась).

Грядущая германская революция и рабочий класс России. (Разошлась).

Перспективы германской революции. (Разошлась).

Перед новой волной революционных потрясений . . . . . 60 к.

Итоги XII съезда. (Разошлась).

Империалистический разбой под флагом демократии и пацифизма . . . 30 к.

В ПЕЧАТИ:

Германская революция. Часть I. Возникновение германской компартии.

Германская революция. Часть II. Ноябрьская революция.

Германская революция. Часть III (готовится к печати).

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ В ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ИЗДАТЕЛЬСТВА:

МОСКВА, Воздвиженка, 9.

Цена 30 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“

ТОРГОВЫЙ СЕКТОР — Москва, Воздвиженка, 9.
ОТДЕЛЕНИЕ ИЗД-ВА — Ленинград, Проспект 25 Октября (б. Невский), 66.

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ ИЗДАТЕЛЬСТВА:

1. Москва, пл. Свердлова, 2-й Дом Советов — „Серп и Молот“.
2. Москва, Сретенка, д. № 8.
3. Ленинград, Проспект 25 Октября (б. Невский), 66.
4. Ленинград, Проспект Вольдарского, 64.